

Михаил Костин
Алексей Гравицкий

НОВЫЙ ОЛИМП

Алексей Гравицкий

Новый Олимп

«Грифон»

2019

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Гравицкий А. А.

Новый Олимп / А. А. Гравицкий — «Грифон», 2019

ISBN 978-5-98862-442-4

Ни для кого не секрет, что боги живут за счёт человеческой веры. Чем сильнее вера, тем сильнее божество. Люди давно перестали поклоняться древним богам, но это вовсе не означает, что древние канули в Лету. Они приспособились к новому миру, и сегодня за каждой корпорацией, за каждым значимым брендом стоит бог. Можете не сомневаться: всякий раз, покупая модную распиаренную новинку, вы фактически приносите жертву кому-то из древних богов. Кумиры сотворены, рынок поделён. Но есть и те, кому при разделе не досталось места у кормушки. Геркан — внебрачный сын Диониса — имеет божественное начало, знает, как устроен мир, и очень хочет занять место среди тех, кто им правит. Сергей — неудавшийся бизнесмен — не имеет за душой ни гроша, ничего не знает о богах и реальном мироустройстве, но был бы не прочь решить свои насущные финансовые проблемы, а заодно создать что-то, что сделает его богатым и знаменитым. Случай сводит молодого полубога с простым смертным. Вместе они готовы на всё, чтобы пробиться на Новый Олимп.

УДК 821.161.1-3

ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-98862-442-4

© Гравицкий А. А., 2019

© Грифон, 2019

Содержание

Пролог	5
Часть первая	8
Глава 1	8
Глава 2	15
Глава 3	20
Глава 4	23
Глава 5	30
Глава 6	34
Глава 7	40
Глава 8	44
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Михаил Костин, Алексей Гравицкий

Новый Олимп

Пролог

Последний день весны

– Что ж ты, падлюка, делаешь?! – со всей добротой, на которую был способен, протянул я сквозь зубы.

Подрезавший меня «Ford Focus» виновато моргнул аварийкой и полез в левый ряд. Одно время «Ford Focus» в Москве был диагнозом. Автолюбители, поднакопившие жирка, массово перелезали с «жигулей» и «москвичей» на иномарки. Ощущение собственной крутости от этого ударяло в голову, и чуваки начинали вести себя на дороге соответственно – как идиоты. В большинстве случаев такими иномарками были именно бюджетные «Ford’ы». Правда, мне казалось, что время «фокусников» прошло. А вот, поди ж ты!

– Если ты денег одалживал, чтоб потом попрекать, то мог бы не одалживать вовсе, – обиженно сообщил мне в ухо мобильник голосом Лёньки, принявшего тираду про падлюку на свой счёт.

– Это не тебе, – поспешил утешить я товарища. – А тебе я одалживал на две недели. С тех пор год прошёл!

– Ну нет у меня сейчас, Серёня, нет, – снова запричитал Лёнька. – Как только появятся, тебе первому отдам. Войди в положение. Кризис.

– У всех кризис, засранец, – беззлобно ответил я и дал отбой.

Надежда на старого приятеля растаяла на глазах, а других надежд не осталось. Мой интернет-магазин, до поры приносивший хороший стабильный доход, в свете вышеупомянутого кризиса завял и вместо того, чтобы давать прибыль, требовал теперь вложений. Денег не осталось. Перспектив без спешного финансирования тоже. Всё летело в тартарары. Надо было что-то срочно придумать, но оригинальные мысли опять-таки отсутствовали.

Несколько месяцев я сидел дома, пытаясь сгенерировать новую максимально бесплатную в реализации бизнес-идею или хотя бы выжать долги из знакомых, которым что-то одалживал. Попытки оказались тщетными. Знаете, что такое финансово-половой кризис? Это когда открываешь бумажник, а там – грубое обозначение полового органа.

Финансы мои уже не просто пели романсы, а голосили во всю мощь матерные частушки. Жрать хотелось всё чаще и всё сильнее, причём усиление чувства голода, как выяснилось, напрямую зависело от снижения моей способности оплачивать среднюю корзину потребителя. Катька, жившая со мной под одной крышей последний год, сперва начала бурчать, а потом сказала, что ей всё это надоело, и, резко собравшись, съехала к родителям. Её папаша – генерал в отставке – и так всегда смотрел на меня как на ничтожество, а тут и вовсе пообещал спустить с лестницы, если я когда-нибудь попадусь ему на глаза...

Эта информация пришла ко мне по сарафанному радио через общих знакомых, и тут меня осенило: не стоит попадаться на глаза Катькиному отцу. А если и стоит, то в таком месте, где нет лестниц. Мысль была неплохой, но, увы, не имела никакого отношения к бизнесу.

И тогда – в отсутствие денег и идей – я пошёл поработать в такси. На своей машине. Временно. Может, решение и дурацкое, но лучше в такси на своей машине, чем в офисе на левого дядю.

Однако и здесь обнаружилась масса заморочек. Началось с вступительного тестирования. Меня проверили на знание ПДД и географии города, а потом предложили прочитать «У

Лукоморья...» Пушкина. «Это что, шутка такая?» – немного удивился я. Но крайне серьёзный работодатель посмотрел на меня с таким выражением, что стало ясно: ему не до шуток, если он вообще умеет шутить. Пришлось, как в третьем классе, тарабанить про зелёный дуб, золотую цепь, учёного кота и прочие сказочные прибаутки. Уже потом я выяснил, что это тест на владение русским языком, эдакий отсев моя-твоя-непонимающих гастарбайтеров из профессии. А ещё в работе таксиста оказалась важна быстрота реакции. На это не тестировали, это я уже по ходу работы сообразил. Вот как сейчас.

Я резко ушёл вправо и остановился на обочине перед хмурым мужиком в дорогом костюме. Водилы называют это «взять руку».

– Куда едем?

– В кабак, – лаконично объяснил мужик, плюхаясь на сидение.

Я скосил глаза на клиента. Чёрные выющиеся волосы, идеально пропорциональные черты лица. Аккуратные тонкие усики и бородка клинышком. На вид ему можно было дать лет тридцать, не больше, если сбрить растительность на лице – точно меньше. Впрочем, внешность бывает обманлива.

– Чего тарачишься, возница? – архаично спросил пассажир. – Поехали.

Я щёлкнул поворотником, краем глаза оценивая клиента. Не беден. Молод. Подшофе. Мы на Садовом. И куда его везти?

– Впереди ресторанчик восточной кухни, – поделился я. – Там неплохой бизнес-ланч.

Клиент поморщился.

– Я ж не обедать собираюсь.

– Если развернуться в обратную сторону – стрипклуб.

– Рано.

Я понимающе кивнул и свернул с Садового кольца. Рядом на Тимура Фрунзе как раз находился камерный винный бар с усиленным упором на Рислинг. «Кабак» нового московского формата, так сказать.

Клиент всю дорогу мрачно изучал ногти и не произнёс ни слова. И, останавливаясь возле бара, я готов был с ним попрощаться, но вышло иначе.

– Подождёшь? – поинтересовался мой мрачный пассажир.

– Долго?

– Как пойдёт.

Я пожал плечами и предупредил:

– Вызвать нового таксиста будет дешевле.

– Деньги – не проблема, – отмахнулся клиент.

– Проблема – их отсутствие, – согласился я с улыбкой. Впрочем, судя по его взгляду, моя ирония была не очень уместна.

– Глуши мотор, пойдём.

– Куда? – не понял я.

– В кабак, – коротко и ёмко ответил клиент уже знакомой фразой и уставился на меня холодным немигающим взглядом. Вероятно, так смотрит вечность.

Что обычно делают с вечностью, которая подняла руку и остановила попутку до кабака?

Должно быть, замешательство у меня на лице отразилось в полной мере, потому как пассажир вздохнул, запустил руку в карман и с небрежным изяществом выудил сложенную пополам пачку пятидесятирублевых купюр.

– Этого хватит, чтобы ты возил меня до конца сегодняшнего дня? – поинтересовался он.

В пачке навскидку было тысяч сто пятьдесят, не меньше, а может, и больше. И, наверное, любой здравомыслящий человек на моём месте посадил бы странного чувака и попрощался бы с ним от греха подальше. Но в его тонких пальцах было решение многих моих насущных проблем, и я взял деньги.

Аккуратное место «про вино» открыл, что называется, «для своих» один известный винный энтузиаст. Заведение получилось крохотное – всего несколько столиков и барная стойка неправильной формы – и тёмное. Строгий интерьер не радовал яркими красками: тёмно-синие стены, тёмно-коричневое дерево, чёрные стеллажи с бутылками и тусклые светильники. Всё здесь было сделано правильно, со вкусом, но уюта не ощущалось.

Однако отсутствие уюта нисколько не смутило моего пассажира. Клиент позволил администратору проводить нас в дальний угол, угнездился в приземистом мягком кресле, и, практически не глядя в меню, будто обедал здесь каждый день много лет, ткнул пальцем в какое-то за пределами дорогостоящее вино, добавил к нему двойную сырную тарелку, и указал мне на кресло рядом.

– Тебя как величать?

– Сергей, – представился я, усаживаясь за стол.

Кресло было слишком низким, слишком глубоким, слишком мягким. Слишком, чтобы чувствовать себя в нём комфортно. В таких удобно дома зимним вечером либо в компании близких знакомых. А мой клиент к последним никак не относился.

– Георгий Денисович, – отрекомендовался он.

Выдать дежурную тираду про «очень приятно» я не успел: подоспевший официант лёгким движением вскинул бутылку, демонстрируя её Георгию Денисовичу, видимо, признав его за главного. Мой клиент изучил этикетку и одобрительно кивнул. Официант, подобно фокуснику, выхватил штопор будто из воздуха и лихо откупорил бутылку. Пробка выскочила с характерным звуком, официант, проигнорировав меня, положил её поближе к Георгию Денисовичу. Тот двумя пальцами взял пробку, понюхал, после чего последовал ещё один одобрительный кивок. Официант улыбнулся и плеснул вина в бокал моего пассажира. Ещё один тест, ещё один кивок. Обряд был соблюден, и вино красиво разбежалось по бокалам.

Георгий Денисович подождал, пока официант удалится, поднял бокал и с трагизмом, достойным принца Датского, возвестил:

– Она ушла.

Я едва не улыбнулся. Теперь всё стало понятно.

– Так вас девушка бросила?

– Какой ты примитивный, возница, – поморщился Георгий Денисович. – Ушла прекрасная эпоха. За неё и выпьем.

Я покачал головой:

– Извините, но за рулём я не пью.

На это мой клиент только криво ухмыльнулся.

Часть первая Чумовое лето

Глава 1

А поутру они проснулись...

Осмысление себя в брэнном мире произошло не сразу. Сперва в голове вспыхнула боль, потом пришло ощущение сухости во рту. И я рефлекторно сглотнул.

– Проснулся, – поделился наблюдением приятный женский голос откуда-то сверху.

Я открыл глаза. Надо мной склонилась удивительно красивая девушка. «Таких в жизни не бывает», – была первая мысль, пришедшая этим похмельным утром в мою разламывающую голову. Мраморная кожа, словно выточенные из камня великим мастером совершенные черты лица, золотистые локоны, огромные глаза, в которых плясали озорные искры. Она казалась идеальной и при этом была живой. Если б не похмелье, я бы, наверное, решил, что умер, попал в рай и надо мной теперь склоняется ангел, вот только головная боль скорее наталкивала на мысль о девяти кругах ада.

– Привет, – улыбнулась мне девушка-ангел.

– Привет, – пробормотал я через силу, приподнялся на локте и... почувствовал, что начинаю сходить с ума.

Я лежал на огромной двуспальной кровати, застеленной золотистым шёлком. Металлические ножки моего ложа утопали в пушистом ковре самого натурального мха. Кованая спинка кровати подпирала уносящийся ввысь ствол сосны. Другой мебели не было. Кое-где из мха выглядывали шляпки грибов. И этот натуральный ковёр раскинулся докуда хватало глаз, а их хватало до стены, оклеенной виниловыми обоями весёлой расцветки с массивной межкомнатной дверью.

Где-то щебетали птицы, справа журчал ручей. Я повернул большую голову и понял – не ручей. Под соседней сосной стоял Георгий Денисович и безо всякого стеснения справлял нужду под дерево. Мысль о сумасшествии всё настойчивее протискивалась сквозь пульсирующую боль в висках и затылке.

– Где я?

– Здравьте, приехали, – с сожалением отозвался Георгий Денисович, застёгивая ширинку.

– Слушай, Гер, а ты уверен, что он может быть полезен? – поинтересовалась девушка-ангел.

– Вчера по пьяни он выдавал трезвые мысли, – пожал плечами тот и посмотрел на меня, будто оценивая мои мыслительные способности. – М-да... как писал один ваш беллетрист: «разучилась пить молодёжь, а ведь этот ещё из лучших»¹. Что, совсем ничего не помнишь?

Не имея сил на ответ, я помотал головой. Никогда не делайте этого с похмелья! В черепной коробке взорвались разом Хиросима, Нагасаки и, должно быть, ещё пара каких-то неведомых хиросак. Я застонал, без сил повалился на подушки. Вместо потолка над головой нависали сосновые ветви, сквозь которые пробивался мягкий рассеянный солнечный свет. Чтобы окончательно не свихнуться, я закрыл глаза.

– Бедненький, – снова зазвучал мелодичный женский голос. – Как же ему плохо-то.

– Ты у меня дома, – безжалостно разрушил мелодику тенор Георгия Денисовича.

¹ Александр Дюма «Три мушкетёра».

– А почему сосны?..

– Вот даёт! – восхитился Георгий Денисович. – Сам же вчера орал, что устал и хочешь спать на мху под соснами. Вот тебе и сосны. А ночью на мху холодно было, так что я тебя на кровать переложил.

Я хотел спать на мху под соснами, и он уложил меня под сосной у себя дома, а потом подложил между мной и мхом кровать, потому что ночью было холодно. Не скажу, что мне сильно полегчало от такого объяснения. Своих же вариантов толкования происходящего у меня было всего два, и, выбирая между розыгрышем и белой горячкой, я всё больше склонялся ко второй версии.

– Гер, не издевайся над мальчиком, дай ему отвара. А лучше – листьев пожевать, – снова зажурчал голос девушки. – Пусть придёт в себя после вчерашнего.

Её тембр ласкал слух, но суть сказанного мне не понравилась. Отвар, листья... Наркопритон какой-то. И от чего я должен отходить? Чем они меня накачали вчера?

– Держи.

Я открыл глаза. Георгий Денисович протягивал мне два небольших овальных листочка яблони или груши, насколько мне позволяли судить об этом небогатые познания городского жителя в ботанике.

– Прожевать и проглотить, – тоном, не терпящим возражений, распорядился мой вчерашний пассажир.

– Зачем?

– Не бойся, – вмешалась девушка. – Если б он хотел тебя отравить, ты бы уже лежал здесь синий и некрасивый.

Не имея сил спорить, я нехотя принял подачку, сунул в рот и снова закрыл глаза. На вкус листья оказались жёсткими и горькими. Организм мгновенно воспротивился, но Георгий Денисович пресёк желание пойти на поводу у рефлекса:

– Не вздумай выплюнуть. Жуй. Глотай.

Сказано это было так, что мне ничего не оставалось, кроме как жевать. Странное дело, но чем больше я двигал челюстями, тем меньше ощущалась горечь. Зато абстинентный синдром начал рассасываться буквально на глазах. Ушла тошнота, притупилась, а затем и вовсе отступила головная боль, перестал раздражать свет, а после очистилась память, и из её затуманенных глубин возник вечер накануне...

...зал кабачка на Тимура Фрунзе, барная стойка, стол, заляпанный вином, тарелки с сыром, мясом и фруктами, подвыпивший Георгий Денисович и сам я уже достаточно пьяный.

– Сколько мне, по-твоему, лет? – вопрошал мой клиент.

– Тридцать, – предположил я.

– Сорок, – ответил он. – А что я сделал? Чего добился? Ни-че-го. Сорок тысяч лет впускаю.

Я кивал, потягивая из бокала, пока до меня не дошёл смысл сказанного. Вино встало поперёк горла, я поперхнулся, закашлялся. Георгий Денисович смотрел со странным выражением на лице:

– Всегда одна и та же реакция. Какие вы предсказуемые, аж тошнит. Что смотришь, возница? Думаешь, я сумасшедший? Я сын Диониса...

Я отогнал поток воспоминаний, приоткрыл глаза и по-новому посмотрел на Георгия Денисовича:

– Вы бог?

– Никак память прорезалась, – проворчал мой вчерашний клиент и повернулся к девушке, которая издевательски хихикала в ладошку: – Что смешного?

– Бог? Геркан, у тебя очаровательное самомнение.

Геркан-Георгий Денисович сердито стиснул зубы. Девушка тем временем продолжала издеваться:

– Он полубог, – заговорщицки подмигнула она мне. – Папа у него, и правда, Дионис, зато мама – корова. Знаешь, боги по молодости как только не забавлялись.

– Это клевета! – вспыхнул Георгий Денисович. – Мать была простой селянкой. А коровой её назвали злые языки за широкий таз. Вспомни классика: «Сыны Божии увидели дочерей человеческих, что они красивы, и брали их себе в жёны, какую кто избрал. В то время были на земле исполины, особенно же с того времени, как сыны Божии стали входить к дочерям человеческим, и они стали рождать им: это сильные, издревле славные люди»².

– Семейные легенды, – растеклась в ядовитой улыбке девушка. – Как это мило. Только ты не очень похож на исполина, Гер.

– А вы? – поинтересовался я у девушки.

– Нилия, – представилась она. – Для смертных – Лия. Я, дружок, полноценная богиня.

– Про которую никто ничего не знает, – мстительно ввернул Георгий Денисович.

– Дочь Эрота и Эвтерпы, – не обратив внимания на подначку, закончила представление Нилия. – Но Гер прав, вне зависимости от родословной, мы с ним в одинаково затруднительном положении, – и, понизив голос до конспиративного шёпота, добавила, – нас нет.

«Кухня» в квартире Георгия Денисовича оказалась невероятных размеров и менее всего напоминала кухню. Она была отделана мрамором, по углам журчали фонтаны, из-под потолка свешивались какие-то неведомые вьющиеся растения. Впрочем, после отдыха на мху под соснами и проснувшейся памяти о вчерашнем вечере я уже ничему не удивлялся. Контрапунктом к древнегреческой экзотике на окнах между мраморными колоннами повисли дешёвые жалюзи.

² Ветхий Завет. Бытие. Глава 6, стих 2, 4.

Посреди помещения стоял массивный стол и не менее основательные скамьи. Нилия легко уселась на одну из скамеек, закинула на стол умопомрачительно стройные ножки, так что юбка задралась до неприличия высоко, и весело посмотрела на меня.

– Садись, смертный. В ногах правды нет.

Я присел на край мраморной скамьи и огляделся.

– Интересная планировка, Георгий Денисович.

Георгий Денисович явно был не в духе, потому только мрачно кивнул.

– Вы что же, весь этаж скупили?

– Зачем? – не понял Геркан. – Просто двушку снимаю.

– То есть как? – не понял я.

– Обыкновенно, – как для тупого с некоторым раздражением в голосе пояснил Георгий Денисович. – «Молодой интеллигентный человек снимет двухкомнатную квартиру в вашем доме по сходной цене. Детей, домашних животных, вредных привычек не имею».

Георгий Денисович сделал неопределённый жест рукой, и в его пальцах буквально из воздуха возник бокал с вином.

– А дальше, – пригубив из бокала, сказал он, – всё как у вашего беллетриста. Даже номер у квартиры такой же – пятьдесят. Какая ирония.

Нехорошая квартира? Это он про Михаила Афанасьевича, что ли?

– Булгаков – классик, а не беллетрист, – поправил я.

– Сегодня все со мной спорить будут? – снова вскипел Георгий Денисович. – Классика – это то, что проверено временем. Гомер, Эзоп, этот... как его... который «Ветхий Завет» написал. Ну, может, придётся признать классиком того мальчишку из Уорикшира, который «Быть или не быть», но это мы ещё посмотрим.

– Гер, ты такой душка, когда пар выпускаешь, – снова поддразнила Нилия. – Мальчик тебя про квартиру спрашивал.

– А что квартира... Мои пятьдесят четыре метра жилой площади, я за них исправно плачу. Так что внутри что хочу, то и делаю. Захочу храм папе устроить, будут у меня потолки в пятнадцать метров. Захочу виноград посадить, будет свободная планировка на гектар.

– Это возможно?

– Возможно всё, – уверенно заявил Георгий Денисович. – Важно помнить только о законе сохранения. Если где-то что-то появилось, – он опустошил одним глотком бокал, щёлкнул пальцами, и пустая ёмкость снова наполнилась вином под край, – значит, в другом месте оно исчезло. Выпьешь что-нибудь?

Хотя от похмелья не осталось и следа, повторять вчерашний заплыв мне категорически не хотелось. Пусть даже новые грани реальности, навалившиеся на меня сегодняшним утром, располагали к мысли нажраться в хлам. Я покачал головой.

– Хорошо, тогда к делу. Ты сказал, что можешь построить с нуля мощную бизнес-модель.

Георгий Денисович был столь категоричен, что я почти поверил, что мог сморозить подобную ерунду.

– Поправочка, – не согласился я. – С нуля ничего не строится. Для воплощения любой идеи нужны не только мозги, но и стартовый капитал.

– О деньгах можешь не беспокоиться, – отмахнулся Георгий Денисович. – Считай, что у тебя неограниченный кредит, который не надо отдавать.

– Так не бывает.

– Прекрати перечить, возница, – в третий раз за утро окрысился полубог. – Я хоть сейчас могу материализовать тебе миллиард в любой валюте. Хочешь – наличными, хочешь – на банковском счёте.

– При этом где-то не досчитаются миллиарда? – уточнил я.

– А тебе какая забота? У тебя всё будет чисто и официально.

– Не посадят, не боись, – поддержала Геркана Нилия.

Поводов бояться пока не было, благо я ещё ни на что не подписывался. Но вместе с тем не было и понимания. Если у этих чуваков есть возможность материализовывать любые суммы, на кой чёрт им понадобился я с какой-то бизнес-идеей. Или древние боги ищут схему отмывки бабла?

– Никакой отмывки, – нахмурился Георгий Денисович.

По спине пробежал холодок. Неужели он мысли читает? Или я говорил вслух?

– Нам нужен рабочий бизнес и сверхпопулярный бренд. Нам нужно, чтобы наша продукция или услуга была вхожа в каждый дом. Неважно, что это будет, зарядка для телефона или салфетка для вытирания задницы. Важно, чтобы мы были везде. Как «Apple» или «Coca-Cola».

Георгий Денисович был предельно серьёзен. Нилия тоже перестала улыбаться, даже убрала ноги со стола. Оба смотрели на меня выжидающе.

– Могу я поинтересоваться: какой в этом смысл?

– Смертные, – выдавил Геркан тем уничижительным тоном, каким обычно говорят слово «дети» в отношении взрослых людей. – Вы даже смысла своего существования не понимаете и при этом везде ищите смысл. Или ты хочешь поговорить со мной о смысле бытия?

– Не хочу.

Геркан тонко улыбнулся.

– Хорошо, – зашёл я с другого бока. – Забудем о смыслах. Но какая вам от этого выгода?

Иногда лучше проявить гибкость. Не спорить, а согласиться с оппонентом, сделав ему приятное, и, пока он будет радоваться своей маленькой победе, добиться своего, сформулировав вопрос иными словами. Эта простенькая бы-тейская хитрость практически всегда срабатывала с людьми, но с Георгием Денисовичем не сработала.

– Вопрос в том, какая тебе от этого выгода. А выгода тебе от этого прямая – это возможность заработать столько, сколько ты не заработаешь за всю жизнь. И, если ты не хочешь всю оставшуюся жизнь быть возницей, то начинай уже предлагать идеи.

Последняя фраза была сказана таким угрожающим тоном, что сразу стало ясно: вариант, при котором я хочу всю жизнь быть возницей, не рассматривается.

– Хорошо, – снова согласился я. – Вот вам идея. Эти листья, которые я жевал. Не знаю, что это такое, но тот, кто подарит человечеству средство от похмелья, создаст не просто бренд и рабочий бизнес, а увековечится.

В глазах Георгия Денисовича возник алчный блеск. Он посмотрел на Нилию, мол, а я тебе что говорил. Та в свою очередь смотрела на меня с явно возросшим интересом.

– А мальчик дельные вещи говорит, – промурлыкала богиня.

Но взгляд Геркана уже потух.

– Ничего не выйдет, – пробурчал он. – Геспериды никогда не согласятся.

– При чем здесь Геспериды? – Моих познаний в античной мифологии явно не хватало, чтобы понять, как у них всё устроено.

– При том, что ты жевал листья яблони из их сада.

– С любым можно договориться.

– С любым – можно, с Гесперидами – нельзя.

– Но у вас же откуда-то эти листья взялись, – не сдавался я.

Георгий Денисович смерил меня уничижающим взглядом. Нилия, глядя на его серьёзную мину, только весело хихикнула:

– Очень просто: он их украл.

– Не украл, – сердито пробурчал Георгий Денисович, стараясь сохранить достоинство, – а позаимствовал.

– Он их втихаря позаимствовал для личного пользования, – продолжала веселиться Нилия. – Видишь ли, мальчик, если очень постараться, у полубогов тоже случается похмелье. А Геркан в этой области предельно старателен.

– Как писал классик: «не судите, да не судимы будете»³, – процедил сквозь зубы Георгий Денисович и, залпом осушив бокал, снова материализовал в нём вино.

– А правда, что яблоки из сада Гесперид дают вечную молодость? – поинтересовался я у Нилии.

– Не совсем. Ничто не вечно под луной⁴, как писал тот мальчишка из Уорикшира, – Нилия бросила язвительный взгляд на Георгия Денисовича, но тот сделал вид, что не заметил. – Так что о вечности говорить не приходится. А в остальном – всё так. Уникальный омолаживающий эффект.

– Тогда это тем более выгодно, – чуя, что поймал волну, я быстро достал смартфон и полез гуглить яблочный бизнес.

Нилия следила за мной со всё возрастающим интересом. Георгий Денисович, поджав губы, цедил вино.

– Яблочный бизнес не требует ожидания прибыли в несколько лет. Уже на первый год с гектара сада можно собрать порядка пятнадцати тонн яблок. На четвёртый год урожайность повысится до тридцати пяти тонн с гектара, на шестой – до пятидесяти. А с Гесперидами можно договориться. Предложить им долю в бизнесе.

Нилия смотрела на меня заворожённо. Георгий Денисович отставил бокал:

– Всё? Допустим, мы договоримся с Гесперидами. Допустим. Что дальше? Ты думаешь, у них в саду яблони натканы до горизонта стройными рядами?

– Можно рассадить.

– В саду Гесперид, как в Эдеме и других подобных местечках, не так много места, чтобы засеивать поля и сажать сады в промышленных масштабах.

– Не обязательно сажать у Гесперид. Покупаем кусок земли где-нибудь в Краснодаре...

– И где гарантии, что яблони Гесперид станут расти и тем более плодоносить в Краснодарском крае? Кроме того, ты представляешь себе, сколько яблок потребляется в мире ежедневно?

– Не очень, – честно признался я. – Но мы же предлагаем на рынок не просто яблоки. И вообще – нам не нужно продавать яблоки как фрукт. Можно нашинковать, высушить и продавать как биодобавку с омолаживающим эффектом. А в идеале вообще неплохо бы отдать в лабораторию, выявить активное омолаживающее вещество и потом выделять и продавать его, а не сами плоды. В случае с омоложением или избавлением от похмелья люди скорее доверятся таблетке. И такая таблетка будет стоить дорого, потому что она работает. Останется только показать, что она на самом деле работает. Дальше яблоки идут на биодобавки, листья – на средство от похмелья, а вы сидите и подсчитываете барыши.

Георгий Денисович снова поднял бокал и задумчиво пригубил вино. Мне показалось, что он колеблется и сейчас сдастся, но не тут-то было.

– Во-первых, никто никогда не сушил яблоки Гесперид, не отправлял их в лабораторию и не выделял из них активное вещество. Никто не даст гарантий, что в сушёном виде они будут действовать. И полагаю, что никакого активного вещества может не быть вовсе. Ваша наука шагнула весьма далеко, но никто не отменял волшебство и божий промысел. Во-вторых, листья от похмелья действуют разово, так что дорого их не продашь. Ободрать яблоневый сад до голых веток не трудно, а сколько ждать, пока новые вырастут? И каких размеров должен быть сад, чтобы наполнить этими листьями рынок! Что касается яблок, то они работают, убедить в этом

³ Евангелие от Матфея гл. 7, ст. 1.

⁴ Уильям Шекспир «Сонет 11», перевод Иосиф Упор.

будет несложно. И продавать их дорого тоже будет несложно. Но они-то, в отличие от листьев, дают весьма продолжительный эффект, так что больше одного раза ты их одному клиенту не продашь. И самое главное: что ты будешь делать с семью миллиардами пусть не вечно молодых, но очень долгое время молодых смертных, чей порог смертности раздвинется практически до рамок бессмертия? А смертные имеют привычку плодиться и размножаться. И если они продолжают размножаться, перестав естественно вымирать... Ты только подумай, что станет с вашим миром.

Георгий Денисович сделал глоток вина:

– И всё это в том случае, если Геспериды согласятся. А они не согласятся.

Осмысление несостоятельности идеи с яблочным бизнесом накрыло, как грозная туча накрывает город. Мне передалась мрачность Георгия Денисовича, и только Нилия продолжала смотреть на меня с тем умильным выражением, с каким девочки смотрят на маленького котёнка. Даже если этот котёнок только что с разбегу вломился в закрытую дверь или извозюкался.

– А ты чему радуешься? – не понял Георгий Денисович. – Идея нерабочая.

– Нерабочая, – с мягкой улыбкой отозвалась богиня. – Но его напористость мне нравится.

Георгий Денисович в сердцах сплюнул и сурово поглядел на меня:

– Продолжай, возница. Есть ещё идеи?

Глава 2

Верю – не верю

Солнце клонилось к закату. На детскую площадку возле дома легли длинные тени от редких деревьев, пёстро выкрашенных горок, качелей и лестниц. На краю площадки стояли рамки турников, на том, что повыше, неспешно подтягивался плотный щекастый мужик лет шестидесяти. Был он огромного роста и, несмотря на возраст и округлые гладко выбритые щёки, крепкого сложения. Рядом на скамейке валялась потёртая кожаная куртка. Мужик подтягивался спокойно, словно бы вовсе не напрягаясь. Мне бы так в его возрасте.

Я бросил взгляд на экран смартфона и потопал к ближайшему метро. «Бульвар Адмирала Ушакова», если верить навигатору. Далеко же он забрался, этот полубог из Южного Бутово.

Вспомнить, как мы вчера приехали к Георгию Денисовичу, у меня так и не получилось, даже несмотря на чудодейственные листья. А на вопрос: «Где моя машина?» Георгий Денисович нехотя бросил: «Возле кабака», не посчитав нужным вдаваться в подробности. Так что путь домой у меня теперь лежал через центр.

В метро в этот час было немногочисленно. Я сел, откинулся на спинку жёсткого сидения, закрыл глаза и задумался.

Мы просидели у Геркана весь день, а сгенерить рабочую идею так и не получилось. Это только кажется, что при наличии больших денег возможно всё. Всё возможно при наличии большой идеи и большого желания её реализовать. А без идеи с большими деньгами на самом деле очень просто остаться без денег. Георгия Денисовича вопрос упущенных ресурсов, кажется, волновал не слишком, а вот время и силы он тратить впустую явно не хотел. Потому все мои «блестящие» идеи попадали под микроскоп полубожественного скептицизма и молниеносно разлетались в пыль.

С каждым новым предложением Георгий Денисович всё больше мрачнел и всё чаще прикладывался к своему неисчерпаемому бокалу, пока не загнал себя во вчерашнее меланхолическое состояние. Наконец, когда предлагаемые мной бизнес-схемы перестали нравиться даже мне самому, полубог отставил бокал и сказал: «На сегодня хватит. Ступай. Завтра продолжим, – и, неприятно ухмыльнувшись, добавил: – Только не вздумай от меня бегать. Это бесполезно».

Поезд остановился на «Бульваре Донского», и я, влившись в поток суетливо шуршащих ногами по граниту пассажиров, отправился в переход.

Любовь к московской подземке у меня угасла уже очень давно. Это для детей и гостей столицы метрополитен, особенно старая его часть, сродни храму. Зрелище, безусловно, впечатляющее и заслуживающее внимания, но я его видел много раз, а духота, толкотня, шуршащие ноги и унылые лица меня в какой-то момент стали раздражать. Не могу сказать точно, когда это произошло, может, когда столпотворение в метро вышло за рамки часа пик и стало перманентным, а может, когда я сел за руль, одно знаю точно: я всегда предпочту пробки на дороге толкотне в метро. По крайней мере, в машине у меня есть личное пространство и иллюзия уединённости.

Впрочем, сейчас поездка на общественном транспорте была весьма кстати. Она немного... приземляла, что ли. И чем дальше я уезжал от странной квартиры Георгия Денисовича, тем большей глупостью и нелепостью казалось всё, что осталось в памяти от вчерашнего вечера и сегодняшнего дня. В самом деле, какие боги? Какой многомиллионный бизнес? Мы живём в двадцать первом веке! Нет никаких богов, только люди. Вон, сидят, уткнувшись в свои гаджеты, заткнув уши наушниками, и не обращают друг на друга никакого внимания.

Взгляд пробежал по безразличным физиономиям, и вдруг будто что-то царапнуло. Сквозь двойное стекло в соседнем вагоне я увидел крепкого сложения мужчину в потёртой кожаной куртке. И куртка, и её обладатель выглядели смутно знакомыми.

Пока я размышлял, слежка это или простое совпадение, поезд остановился, и мужик в кожанке вышел. Всё-таки показалось.

А если не показалось и это за мной?

Вот только зачем за мной следить?

С другой стороны, сказал же Георгий Денисович, чтоб я не вздумал от него бегать...

Вот так и начинается паранойя. Ну нафиг этого Георгия Денисовича, кто бы он там ни был. Нервы дороже. В конце концов, договора я с ним не подписывал, душу не закладывал, а вчерашняя пачка денег, что приятно оттопыривала карман, была оплатой вчерашних услуг водителя и жилетки, чтобы выплакаться.

Я глубоко вдохнул, выдохнул и снова оглядел вагон. Всё как обычно. Ветхая бабулька с сумкой на колёсиках и таким выражением лица, как будто вокруг неё фашисты устроили оргию. Девушка с каплями наушников в ушах, бешено настукивающая эсэмэску наманикюренным пальчиком. Пара тихо переговаривающихся между собой и дегенеративно похихикивающих подростков, парень с игрушкой на планшете, дядька в очках с читалкой. Обычный вагон, обычные пассажиры, обычный московский летний вечер. И никакой чертовщины.

А работать лучше на себя, чем на дядю. Я окончательно успокоился и решил забыть Георгия Денисовича как страшный сон. Покручу пока баранку, подзаработаю, а там – глядишь, и в самом деле родится новая идея для скромного бизнеса.

С этими мыслями я пересел на кольцо, доехал до «Парка культуры» и не спеша направился к эскалатору, когда у соседнего вагона снова мелькнула потёртая кожаная куртка.

Что за ерунда?! Внутри неприятно съёжилось, как в детстве на качелях. Решив не подавать виду, я ускорил шаг. Обернулся уже на эскалаторе.

Крепкий, обманчиво круглолицый мужик в кожаной куртке – тот самый, с детской площадки, теперь уж сомнений быть не могло – шёл за мной следом с неумолимостью терминатора.

– Уважаемые пассажиры, – ожил динамик, – будьте внимательны при входе и выходе с эскалатора. Будьте осторожны на ступенях эскалатора. Стойте справа лицом по направлению движения, проходите слева.

Совет пришёлся как нельзя кстати. Я шагнул на левую сторону и со всей возможной прытью, на какую был способен, рванулся вперёд. Впрочем, скорость довольно быстро упала, дыхание сбилось, а сердце к верхним ступеням колошматилось где-то в районе горла. Мысленно ругая себя за то, что который год только собираюсь заняться спортом, я шмыгнул в турникет и выскочил на улицу. Оглянулся. Преследователя пока видно не было.

Задыхаясь и обещая себе бросить курить, я в несколько бешеных скачков перемахнул через площадь и юркнул в подземный переход. Быстро пробежал по переходу, вынырнул на другой стороне Садового, снова оглянулся и, не увидев мужика в кожаной куртке, юркнул за угол на Остоженку.

Какое-то время я ещё оглядывался на ходу, но преследователь, если он в самом деле шёл за мной, явно отстал. Пройдя несколько сотен метров, я свернул налево в переулок и зашагал в сторону Пречистенки, снова обернулся – никого. Отсутствие преследователя немного успокоило, и я перестал вертеть башкой.

Огляделся я только добравшись до Зубовской площади. Убедившись, что никаких «кожаных курток» рядом нет, снова пересёк Садовое и оттуда быстрым шагом направился ко вчерашнему винному бару. Дыхание выровнялось, сердце перестало выдавать коленца и вернулось к обычному ритму. Нет, курить я, конечно, не брошу, но явно пора в спортзал. Дыхалка ни к чёрту.

Машина стояла на платной городской парковке сбоку от ресторана, там, где я её вчера и оставил. Про продление оплаты парковки я забыл ещё ночью, так что штраф гарантирован.

Пискнула сигнализация, я сел за руль, вставил ключ в зажигание и почувствовал себя так, словно вернулся домой после двухнедельной поездки. Ощущение это было приятным, но, увы, недолгим.

Пассажирская дверца открылась, и, прежде чем я успел что-то сообразить, на сидение рядом уселся мой знакомый незнакомец в кожаной куртке.

– Добрый вечер. Тебя ведь Серёга зовут?

Я судорожно сглотнул и кивнул, не имея сил ответить.

– Меня – Дениска, – неожиданно радостно сообщил мужик в кожанке.

В немаленьком салоне моей машины «Дениска» было тесно. Только сейчас я осознал, насколько он огромен и крепок. Кожаная куртка сидела на нём в обтяжку. Ему и в самом деле было лет шестьдесят, а то и семьдесят: на лбу и переносице пролегли морщины, некогда тёмные кудри стали грязно-пепельными. И только круглые, по-юношески гладкие и румяные щёки не подходили его седине, да ещё это несуразное детское «Дениска».

– Очень приятно, – сказал я, чтобы что-то сказать.

– Подбросишь?

– А вы уверены, что нам по дороге?

– Тебе куда ехать?

– На Хорошёвку, – сказал я первое, что пришло в голову.

– Значит, нам по дороге, – отозвался старик. Сказано это было так, что стало ясно – нам было бы по дороге, даже если б я сказал, что мне в Наро-Фоминск или в Кемерово.

– Трогай, – потребовал непонятный Дениска.

Я повернул ключ, врубил передачу и, щёлкнув поворотником, поехал по односторонней улице к Комсомольскому проспекту.

– Что он от тебя хотел?

– Кто? – уточнил я, хотя догадался, что речь о Георгии Денисовиче.

– Мой непутёвый отпрыск.

– Вы... его отец?

– А кто ж ещё?

– Вы бог?

Седой Дениска громогласно расхохотался:

– Какая очаровательная пурга. Где ты видел таких богов?

Я скопился на крепкого старика в потрёпанной кожанке. Мысль о том, что он бог, как и мысль о том, что боги вообще могут существовать, сейчас показалась совершенно идиотской.

– Георгий Денисович сказал, что он сын бога. Вы же о нём спрашивали?

– Ништяк приколы, – снова хохотнул Дениска. – И ты купился на эту чушню? Господи, во что только люди не верят!

– Трудно не поверить, когда у него в квартире мох, сосны, музей античного искусства вместо кухни и бездонный бокал с вином, – пробормотал я, чувствуя себя идиотом.

Старик снова разразился раскатистым хохотом.

– Ну-ну. И что он тебе ещё наплёл?

– Что ему нужна бизнес-идея.

– Бизнес-идея? Сыну бога? И что такого ты можешь придумать, чего не могут придумать боги, если вся эта ересь – правда?

Я пожал плечами. Вопрос был логичным. Вот только всё происходившее до того теряло всякий смысл.

– Кто вы?

– Я – пенсионер. А сынуля – шоураннер. Сейчас для телящика что-то типа скрытой камеры делает. Находит лохов вроде тебя, вешает лапшу на уши и снимает. Деревья в квартире и что там ещё – декорация. Тебя развели.

– А как же бокал с вином? – промямлил я.

– А что бокал?

– Он сам наполнялся...

– И что? А Дэвид Копперфильд сам летает. Думаешь, он душу дьяволу продал? Это просто фокус.

От подобного поворота я растерялся окончательно. Оставалось только рулить. Я свернул на трёшку и втопил педаль газа в пол.

Что-то во всём этом явно не клеилось.

– А почему же тогда никто не сказал: «Вас снимает скрытая камера»?

– Не торопись. Поснимают тебя пару дней, наберут материала, потом скажут.

Был у меня один знакомый документалист, снявший три с половиной документалки, так он утверждал, что на телевидении давно нет места импровизации. Всё придумано, подстроено и существует по заранее написанному сценарию. Будь то хоть «Пусть говорят», хоть «Битва экстрасенсов», хоть «Дом-2».

– Но ведь это работа, за неё должны платить. Договор опять же, что я согласен сниматься и даю разрешение на использование моей физиономии.

– Лох – это не работа, лох – это судьба, – престарелый Дениска явно развлекался. – Ты как маленький, Серёга. Договор задним числом подпишешь. Денег тебе уже заплатили. А снимать тебя лучше, пока ты ни о чём не догадываешься. Так реакция естественнее получается.

– Ну хорошо, – согласился я. – А зачем вы мне всё это рассказываете? Это же ваш сын, это его работа, вы ж ему всё сейчас портите.

– А чего этот засранец мне денег на опохмел зажал? – совершенно естественно возмутился Дениска. – Вот пусть теперь несёт убытки. Посмотрю я, как ты ему завтра изобразишь искреннюю эмоцию, зная, что тебя напаяли.

И он снова громогласно захохотал, а на меня вдруг нахлынула злость.

Чёрта с два я завтра стану что-то изображать! Вообще никуда завтра не поеду. В задницу этого Георгия Денисовича и всю его полоумную компанию.

Я съехал на Хорошёвское шоссе, свернул в первый попавшийся двор и притормозил.

– Приехали? – удивился Дениска.

– Да, – соврал я. – Вон мой дом.

– Ну, бывай, – кивнул старик и полез из машины, но вдруг остановился и посмотрел на меня с пристальным прищуром. – А подъезд у тебя какой?

Меня как током шарахнуло. Так вот оно что, выходит, он всё это провернул, чтобы узнать, где я живу.

– Третий. Этаж пятый. Квартира шестьдесят первая, – уверенно отгарабанил я первые пришедшие на ум цифры.

– Ишь ты! – ухмыльнулся Дениска, выбрался-таки из машины, взялся за дверцу, готовый её захлопнуть, но в последний момент снова остановился и шустро сунул голову в салон:

– Ты это...

– Георгию Денисовичу про вас не говорить? – предположил я.

– Не, на опохмел не дашь?

Мысленно выматерившись, я выудил из кармана пяти тысячную купюру и протянул назойливому Дениске. Тот повертел оранжевую бумажку в руке, будто проверяя, настоящая ли, и, кажется, остался доволен.

– Вот это дело. Ну, бывай, Серега.

– До свидания.

Он хлопнул дверцей и непринуждённо зашагал прочь.

Не знаю, какая интуиция у меня включилась, когда я ляпнул, что живу на Хорошёвке, но это было очень разумно. Весёлая компания, свалившаяся мне на голову, нравилась всё меньше. Всё происходящее крепко пахло мошенничеством.

Выждав, когда мощный седой мужик с детским имечком отойдёт подальше, я дал по газам и рванул со двора.

Жил я в Крылатском. В общем, рядом, если мыслить масштабами Москвы, но всё же другой район. Так просто не найдёшь. Хотя с другой стороны они же знают номера моей машины. Найти человека по машине не проблема. Да и пока я пьяный дрых под сосной в квартире Георгия Денисовича, он мог подробно изучить и мои документы, и содержимое моего смартфона. Чёрт!

Но тогда за каким дьяволом за мной попёрся его папаша? Или это не папаша. А кто тогда? Кто вообще все эти люди? И что теперь делать? Пойти в полицию заявление накатать? С другой стороны, мне никто не угрожал, меня не обворовывали, наоборот – денег дали. И что я в той заявке напишу? Что мне вешают лапшу на уши какие-то не то боги, не то телевизионщики? Можно себе представить, куда меня пошлют доблестные сотрудники полиции с такой историей. Это если ещё сразу в психушку не сдадут.

Размышляя таким макаром, я доехал до дома. Но уже практически на въезде во двор меня снова догнала паранойя. И я ещё десять минут крутился по району, поглядывая в зеркало заднего вида и пытаюсь понять, не следит ли за мной кто-нибудь. Слежки не было. Да и смысла в ней особенно не было. Если им нужно было узнать обо мне что-то, у них в самом деле было время и возможность пошарить по моим карманам и срисовать с паспорта и фамилию, и прописку.

Бросив машину у подъезда, ещё раз огляделся. Уже стемнело, и на улице возле дома было безлюдно. И никакой слежки.

Господи, во что я вляпался?

В подъезде пахло чем-то затхлым. Двери лифта открылись с неприятным скрежетом. Я нажал кнопку своего этажа и уставился в заляпанное зеркало, висящее на стене лифта. Мда, видок – на море и обратно. Рожа уставшая, взгляд затравленный. Надо выспаться, а потом решать, что делать дальше.

Лифт содрогнулся, будто в эпилептическом припадке, привычно скрежетнул дверями. Вынув на ходу ключи, я отпер дверь своей квартиры и замер на пороге, чувствуя, как по спине пробегает холодок.

На кухне горел свет.

– Катя? – негромко позвал я, умом понимая, что это не может быть бывшая, потому что, уходя от меня, она оставила ключи.

– Ты такой душка, когда боишься, – мелодично прожурчало в ответ, и в дверях кухни появилась Нилия. – И что он от тебя хотел?

Девушка обезоруживающе улыбалась. Сногшибательные формы её подчёркивало вечернее платье с глубоким, как Гранд-Каньон, декольте и разрезом до бедра. Если прежде она выглядела неземной женщиной, то сейчас способна была свести с ума даже гея-импотента.

– Кто? – прошептал я пересохшими губами.

– Дионис. Кто ж ещё?

Глава 3

Бессонница в летнюю ночь

Это было уже слишком.

– Как ты сюда попала?

– Есть масса вариантов, – промурлыкала Нилия. – Но если ты сторонник консервативных методов, то я могу выйти и позвонить в дверь.

– Зачем?

– Ты откроешь, пригласишь войти, я войду, и традиция будет соблюдена.

В её огромных глазах плясали озорные искорки, губы тронула улыбка. Едва заметная, но такая чувственная, такая манящая, такая... идеальная, что ответить этой женщине грубо было просто невозможно.

Я молча скинул обувь, поплёлся на кухню и снова вынужден был замереть в дверях. Мой скромный кухонный стол оказался выдвинут на середину кухни и, судя по размерам, раздвинут. Если, конечно, это всё ещё был мой стол. Столешницу покрывала тяжёлая бордовая скатерть, поверх неё лежала белоснежная салфетка. Сам стол ломился от самых разнообразных блюд, уложенных на фарфор и хрусталь, которого у меня в доме отродясь не было. Над всем этим кулинарным буйством высились изящные канделябры со свечами и ведёрко со льдом, из которого торчала бутылка дорогого шампанского.

Если б я поставил себе цель соблазнить кого-то, устроив романтическое застолье, вряд ли у меня вышло сделать что-то настолько впечатляющее. Да хоть в половину.

За спиной процокали по коридору каблучки, щёлкнул выключатель, свет погас, и тут же сами собой вспыхнули свечи. Я обернулся. Нилия стояла у меня за спиной и улыбалась. Уже иначе, хотя и столь же идеально. По всей вероятности, оттенков улыбки у неё в арсенале за прожитые века накопилось немало, или это врождённое.

– Так и будешь стоять? – поинтересовалась она настолько непринуждённо, что я почувствовал себя немного глупо.

Не дожидаясь ответа, богиня прошла на кухню, присела к столу и взглядом указала на шампанское.

– Откроешь?

– Ты же сама можешь, причём, не открывая, – промямлил я, садясь напротив.

Нилия рассмеялась, словно прозвенел серебряный колокольчик:

– Конечно. Но вино всё-таки должен наливать мужчина.

– Как скажешь, – согласился я, принимая правила игры и взялся за бутылку.

Тёмное стекло мгновенно запотело. Пробка поддалась легко. Шампанское открылось по всем правилам – с хлопком и лёгким дымком. Нилия одарила меня очередной совершенной улыбкой из своего арсенала и изящно подалась вперёд с хрустальным бокалом в тонких пальцах.

– Так чего он хотел? – будто между делом снова спросила девушка.

– Сказать откровенно?

– Конечно.

– За откровенность, – провозгласил я, поднимая бокал.

Звякнуло стекло. Я сделал небольшой глоток, памятуя о прошлом вечере, закончившемся утром под соснами. Нилия с видимым удовольствием пригубила вино.

– А откровенно, – продолжил я, не меняя интонации, – не скажу ни слова, пока не получу ответа на свой вопрос.

Если подобный поворот и смутил мою незваную гостью, то виду она не подала. Напротив, мило рассмеялась, откинулась на спинку стула и, закинув на край стола потрясающей стройности ножки, отсалютовала мне бокалом:

– Я тебе говорила, что ты милый? Валяй, спрашивай.

– Кто вы, чёрт подери, такие?

Девушка снова расхохоталась, на этот раз смех прозвучал довольно обидно.

– Тебя интересует только это? Нет, правда? Ты неподражаем. И ты знаешь ответ: мы – боги.

– Что-то я никогда не слышал про богиню Нилию. Тем более – про сына Диониса и коровы.

– В этом-то и проблема, – нахмурилась девушка.

– Хорошо, но тогда почему...

– Э, нет, – перебила меня на полуслове Нилия, – на допрос я не согласна.

– Хорошо, тогда давай как в детской игре. Правда или желание. Знаешь правила?

– У меня нет детей. И сама я уже давно не ребёнок.

– Мой вопрос против твоего. Ответ честный.

– А желания тут причём?

– Тот, кто не хочет ответить честно, исполняет желание.

– Хорошо, – промурлыкала девушка, и в её бездонных глазах снова заплясали черти. –

Но только теперь моя очередь. Чего хотел от тебя отец Геркана?

– Спрашивал, чего вы хотели от меня.

– И ты ему рассказал?

– В двух словах.

– А он что же?

– Это уже три вопроса, – заметил я. – Он сказал, что вы снимаете шоу со скрытой камерой, а я лох и повёлся. Потом на опохмел попросил.

– Вот ведь старый мерин, – процедила сквозь зубы Нилия.

– Я смотрю, вы друг друга недолюбливаете.

– Это вопрос?

– Нет, – я не без удовольствия сделал глоток шампанского. – Это наблюдение. Меня интересует другое. Если вы те, за кого себя выдаёте, зачем вам я с нелепыми бизнес-идеями?

Нилия усмехнулась с какой-то потаённой грустью и замолчала. Я ждал.

– Знаешь, за счёт чего существуют боги?

– За счёт перемещения денежных знаков из чужого кошелька в свой карман? – попытался пошутить я, но шутка не возымела успеха.

– Боги существуют за счёт людей, – совершенно серьёзно заговорила вдруг Нилия. – Слышал, небось, бог помогает, если ему вознести молитву, принести жертву, построить храм. Можно считать это симбиозом, или бартерными отношениями. Вы, люди, живёте благодаря нам, высшим созданиям, а мы существуем за счёт вашей веры. Чем больше проявлений веры, тем сильнее и могущественнее божество. И наоборот. Если никто не поёт божеству осанну, не ставит храмов, если вера ослабевает, ослабевает и божество. Гера, я и ещё многие другие, сейчас, увы, слабы, и лично мне это совсем не нравится. Я хочу быть сильной, Геркан тоже.

– А причём здесь я?

– Есть лазейка. В современном мире роль бога может играть всё что угодно. От нового телефона до поп-звезды, от шоколадного батончика до нефтяного фонтана.

– Не сотвори себе кумира, – усмехнулся я.

– Единоличники знали, с чем нужно бороться, чтобы не упустить паству. Потому они до сих пор и работают по старинке, а нас выбросили на обочину истории. В нас не верят, мы вынуждены приспосабливаться. И мы приспосабливаемся. Ты удивишься, мальчик, но за

каждым мировым брендом, так или иначе, стоит кто-то из древних. Гея сидит на нефти, Зевс на кока-коле, Дионис курирует виноделие и пивоварни, Танат торгует ритуальными услугами, а выдвигнутый им из этого бизнеса падальщик Анупис приторговывает фастфудом. Чтобы стать богом, сегодня нужно создать что-то, способное поразить толпу и заставить её покупать и обсуждать это. Любая ерунда, если она продаётся, обсуждается, обрастает лайками и дизлайками в социальных сетях, наделяет силой кого-то из богов.

– Силой, чтобы подворовывать вино из ближайшего ресторана себе в бокал.

– Силой, чтобы создавать и уничтожать целые миры. Силой, способной сметать города, пускать вспять планеты, взрывать звёзды...

– Не зря я недолюбливаю общество потребления.

– Не мы его создали, а вы, – пожалала плечами Нилия. – Мы только воспользовались. Хочешь выжить, приспособься. Но, чтобы играть на придуманном вами поле, нужно иметь ваш склад ума. Нужны понятные вам идеи. Потому нам нужен ты.

– Почему именно я?

– Геркан в тебя поверил, – улыбнулась Нилия, – а я доверяю Геркану.

– И это правда?

– Мне кажется, тебе не хочется этого знать. Думаю, ты хочешь, чтобы я исполнила твоё желание.

Нилия подалась вперёд, с кошачьей грацией выгнув спину. Я почувствовал, как мой взгляд против воли прилипает к её декольте. Это было сродни гипнозу, хоть я в него никогда и не верил. С другой стороны, до сегодняшнего дня я не верил и в существование богов.

– А ты знаешь, какие у меня желания?

– Конечно, – звонко рассмеялась она.

Последняя мысль, мелькнувшая в моей голове, была о том, что порой боги управляют нашими желаниями. Ну, или во всяком случае богини...

Глава 4

Явление героя

За окном вступал в силу новый день. Бешено щебетали птицы, радуясь солнцу. Пронёсшаяся чередой сладких мгновений ночь казалась чем-то сюрреалистическим. Я щёлкнул зажигалкой и затянулся. Руки немного дрожали, и не только руки. Вообще я принципиально не курю в постели, но бывают ситуации, когда принципы летят к чёрту.

– В прежние времена богов окуривали более приятными ароматами, – поморщилась Нилия, легко соскользнула с кровати, распахнула окно и потянулась.

От вида обнажённой богини мысли снова пошли кувырком. Я глубоко затянулся, выдохнул. Полегчало. Никотин явно заставляет мозги шевелиться, в этом Конан Дойл и его вечно обдолбанный гений дедуктивного метода были правы, а организации здравоохранения – нет.

– В прежние времена, – подхватил я в той же тональности, снова затягиваясь, – люди ночью спали.

– Милый мальчик, – улыбнулась Нилия, – в прежние времена люди, сумевшие достичь экстаза от соприкосновения с божественным, могли не спать сутками. Последнее, чего ты сейчас хочешь, – это спать.

Я прислушался к ощущениям и понял, что она права. Мышцы немного подрагивали, в теле ощущалась истома, но спать не хотелось совершенно, и голова была чистой и свежей – хоть сейчас генери идеи.

Стараясь не смотреть на обнажённую богиню, я ткнул окуроч в пепельницу, стоящую на прикроватной тумбочке, и принялся натягивать штаны.

– Неприятный запах.

Я скосил глаза на Нилию, та уже каким-то невероятным образом стояла рядом одетой. И плохо затушенный бычок в пепельнице под её взглядом исчез буквально на глазах. Если что-то где-то исчезает, значит, что-то где-то появляется.

– И куда ты отправила мой окуроч? – поинтересовался я исключительно для поддержания разговора. – Вернула в соседний ресторан вместе с грязной посудой?

– У тебя удивительно примитивное представление о наших возможностях, – рассмеялась Нилия. – Твоя вонючка там же, где и была. Просто уменьшилась до незначительных размеров.

Осмыслив сказанное, я пригляделся к пепельнице. Окуроч и в самом деле лежал там же, где и прежде. Только теперь он был размером с блоху, но всё так же дымился едва заметной, тоньше паутинки струйкой.

– Знаешь, а у меня есть идея. Мы же можем использовать ваши способности для нашего бизнеса?

Нилия посмотрела на меня с интересом:

– Не самая свежая идея. Первым до этого додумался Прометей. Кто о нём знал, пока он не научил смертных пользоваться огнём? Но стоило только спереть пару угольков с Олимпа и передать людям...

Я решительно двинулся к двери.

– Ты куда?

– Поехали. По дороге расскажу.

Но далеко ехать не пришлось. Мы успели только выйти из подъезда и дойти до машины, как с детской площадки раздался пронзительный свист. Я оглянулся. На скамейке перед качелями восседал в вальяжном ожидании Георгий Денисович, всем своим видом показывая наивность предположения, что меня трудно найти. Видимо, любовь к детским площадкам у них семейная.

– Доброе утро, – приветствовал я, направляясь к нему навстречу.

Геркан было расплылся в улыбке, но тут же снова посерьезнел, увидев идущую за мной богиню.

– Утро, – кивнул мой недавний пассажир и без удовольствия посмотрел на Нилию. – Ты уже здесь?

– Я уже давно здесь, Гер, – мило прощепетала богиня.

– Твоя любовь к смертным когда-нибудь выйдет нам боком. Что она успела тебе наболтать?

– Немного.

Я решил не раскрывать карты. В этой компании, судя по всему, лучше не говорить лишнего.

– Но у меня появилась идея.

– Говори, – резко перешёл к делу Геркан.

Нилия стояла рядом и тоже горела любопытством. Можно было бы потянуть время и насладиться моментом, не каждый день два бога ловят каждое твоё слово, но я решил не тешить самолюбие.

– Миниатюризация.

Слово не произвело должного эффекта. На физиономиях двух божеств непонимание боролось с разочарованием.

– Поясни, – недовольно пробурчал Геркан.

– Пожалуйста, – я присел на качели и принялся тихонько покачиваться в такт словам. – Сегодня, когда произошёл резкий технический скачок, когда в каждый гаджет запихнуто всё – от фотоаппарата до телефона, от библиотеки до кинотеатра, трудно придумать что-то новое. Но все пытаются упихнуть максимум возможностей в минимальный объём.

– И у них это неплохо получается, – мрачно поведал Георгий Денисович.

– Неплохо. Для сегодняшнего дня – может быть, хотя смартфоны воспаляются регулярно. А завтра? Люди уже подсели на эту иглу, они хотят гаджеты круче и круче, чтобы они при этом весили меньше, занимали мало места и вообще при желании легко носились с собой. С вашими способностями это становится просто. Мы можем создать какую угодно огромную и нелепую конструкцию с мощным функционалом, а потом вы уменьшите её до нужных размеров.

Я замолчал и посмотрел на богов. Один сидел на лавке, другая стояла рядом, и у обоих по-прежнему были каменные физиономии.

– Хм... – выдавила наконец Нилия. – Мне кажется, или мальчик забыл, что нам нужно заработать не деньги, а паству.

– Если бы мальчик хотел заработать только деньги, – парировал я. – Он бы предложил использовать ваше умение иначе. Купил бы за копейки склад под Москвой и сдавал бы его по демпинговой цене, используя на миллион процентов. Делов-то, уменьшай при загрузке да увеличивай при выгрузке. Деньги бы лопатой грести можно было. Я вам предлагаю проект, который поведёт за вами толпы. Останется только правильно привернуть имя бога к бренду, и спите спокойно, ощущая своё могущество.

Я оттолкнулся сильнее, качели скрипнули и взлетели вверх, даря какое-то забытое детское чувство свободного полёта. Скрип-скрип-скрип. Небо-солнце-площадка-небо-солнце. Я раскачивался, давая моим компаньонам осмыслить сказанное и взвесить все «за» и «против». Нилия задумчиво хмурилась. Геркан, теребивший бородку, напротив, с каждой секундой всё больше и больше светлел лицом.

– А что, в этом что-то есть.

– Что в этом есть? – скривилась Нилия. – Кто-то из вас что-то понимает в технике?

– Он машину водит, – со значением кивнул на меня Геркан.

– Есть люди, которые понимают, их много, и они готовы работать, только плати. А с деньгами, как я помню, у нас проблем нет, – вклинился я, спрыгивая с качелей.

– С деньгами проблем нет, – парировала Нилия. – С людьми есть. Мы не можем массово посвящать смертных в свои дела. О богах не должны знать, в богов должны верить.

– А кто говорит о массовом посвящении? Мы можем наладить линию сборки, а начинку заказывать на стороне. Сами будем только отгружать детали, уменьшать их и паковать в корпуса. Люди на сборке не будут пересекаться с людьми, производящими комплектующие. А процесс уменьшения много времени не займёт и будет производиться в закрытых помещениях на отдельной территории под грифом секретности. Это наше ноу-хау.

– А если... – задумался Геркан, но я не дал ему развить мысль. Хватит и одного сомневающегося божества.

Если уж во всё это ввязываться, то кидаться в бой сразу, а там решать проблемы по мере их поступления. Пахнет аферой? Безусловно. Но, в конце концов, деньгами и головой здесь никто не рискует, так что можно идти ва-банк.

– А если возникнут непредвиденные обстоятельства, их всегда можно решить при помощи денег, – отрезал я.

Взгляд Георгия Денисовича стал задумчивым, сын Диониса и коровы ушёл в себя.

– Коррупция, – усмехнулась Нилия.

– Капитализм, – не согласился я. – Деньги есть – всё есть, денег нет – ничего нет. Общество потребления. Для начала надо найти выходы на разработчиков и производителей, понять, что они могут, и...

– Не надо ничего искать, – Геркан резко подскочил со скамейки и размашисто зашагал к машине, – у нас есть такой выход. Как сказал ваш беллетрист: «Поехали!»

– Это не беллетрист, – подловил я Георгия Денисовича. – Это герой Советского Союза лётчик-космонавт Юрий Алексеевич Гагарин сказал.

– Слушай, возница, не зли меня. Какая разница?

– Не гневи бога, – весело подмигнула мне Нилия. – Садись за руль.

– Здесь притормози и направо, – скомандовал Георгий Денисович.

Я проехал вдоль высокого забора, повернул и остановился у ворот. Ворота были закрыты, за ними буйствовала зелень, из которой торчали ничем непримечательные корпуса советской постройки.

Из будки КПП вышел ВОХР с лицом непроницаемым, как стена, мимо которой мы ехали. Я нажал кнопку, опуская стекло. ВОХР втиснул в окно свою каменную физиономию:

– Пропуск.

Георгий Денисович смерил охранника начальственным взглядом.

– Мы к Мертвицкому.

– Проезжайте дальше, вдоль забора. Через сто метров можно запарковать машинку. Проходите на КПП, предъявляете паспорт, берёте пропуск, если он заказан.

Геркан с пассажирского сидения подался к охраннику, нависнув надо мной. Взгляд, которым он смотрел сейчас на ВОХРа, был сродни тому, каким смотрит питон на свою жертву.

– Нам нужно к Мертвицкому, привратник, – произнёс он тоном, предвещающим засуху, чуму и нашествие саранчи разом.

Если б Георгий Денисович посмотрел таким макаром на меня, наверное, я бы поддался гипнозу и согласился на что угодно. Впрочем, на ВОХРа ни взгляд, ни тон Геркана не произвели никакого впечатления.

– Паркуете машинку и на КПП за пропуском, – без намёка на эмоцию повторил охранник.

В глазах Геркана полыхнула молния. Не дожидаясь, пока загремит гром, я сдал назад и поехал вдоль забора в указанном ВОХРом направлении.

– Может, просто позвонить вашему другу и заказать пропуск? – поинтересовался я, паркуясь.

– Где ты видел, возница, чтобы боги просили у смертных пропуска? – утробно прорычал Георгий Денисович. – Пропустит, никуда не денется. Или я не бог?!

Он выпрыгнул из машины, едва я успел её остановить, бросил коротко: «Ждите» – и зашагал к КПП. Я вылез из авто и закурил.

– Он такой милый, когда бесится, – промурлыкала Нилия, глядя, как Геркан скрывается за дверью КПП.

Сквозь высокие стекла будки пропускного пункта было видно, как сын Диониса набросился на окошко бюро пропусков.

– Show must go on, – напела Нилия, глядя на пантомиму, разыгрывающуюся на КПП. – Кстати, это моя мама Мэю текст и мелодию нашептала.

– А я уж думал, так сказал наш беллетрист.

Нилия хихикнула. Геркан за стеклом бросил попытки атаковать окошко бюро пропусков, подошёл к висящему на стене внутреннему телефону, набрал номер и заговорил что-то сердито и резко.

Через минуту он уже шёл к нам навстречу мрачный и раздражённый.

– Подождём в кафе, тут за углом. Он к нам сейчас подойдёт.

– А как же пропуск? – невинно поинтересовался я. – Или вы не бог?

– Умничаешь? Как сказал один ваш беллетрист: «горе от ума». Против вахтёра на рабочем месте бессильны даже боги.

В кафе было тихо и прохладно. Хоть заведение и выглядело ниже среднего, но кондиционер здесь работал исправно. Мы устроились за столиком у окна. Геркан уселся лицом ко входу, мы с Нилией устроились по бокам. Появилась неказистая официантка с замурзанным блокнотом, приняла заказ и медленно скрылась из виду.

Геркан всё ещё злился. Нилию это явно развлекало.

– А этот ваш друг, он тоже бог? – поинтересовался я.

– Не совсем, – покачала головой Нилия. – Не бог, но и не человек.

– Это как? – не понял я.

– Герой, мать его за ногу, – непривычно грубо пробурчал Геркан. – В таких нет ничего божественного. Их способности ближе к человеческим, но иногда в разы сильнее. И живут они как мы, а не как мотыльки-однодневки.

– Вечно?

– У каждой вечности есть свой конец, – философски заметил Геркан, возвращая самообладание. – А вот и наш герой.

От дверей к нашему столику шёл молодой, но яро молодящийся мужчина. На вид ему было за пятьдесят. В ухе блестела серьга, коротко стриженную голову венчала красная бейсбольная кепка с эмблемой какой-то неведомой мне, ничего не понимающему в бейсболе, команды. Дранные джинсы, потёртые «казаки». Крепкое, накачанное тело обтягивала чёрная футболка с надписью «Dead A1».

Мужчина кивнул Геркану, сдержанно улыбнулся Нилии. На меня посмотрел оценивающе.

– Александр Мертвицкий, – представился он, протягивая руку.

– Сергей. Очень приятно, – дежурно ответил я на рукопожатие.

Ладонь у Мертвицкого оказалась сухая и невероятно крепкая. Настолько, что я вынужден был отказаться от своей привычной манеры отвечать на рукопожатие с соразмерной силой.

Мертвицкий по-хозяйски плюхнулся на стул напротив Георгия Денисовича и спросил в лоб безо всякого пиетета:

– Что тебе надо, Гера?

– Зачем так резко, мастер? – поморщился Геркан. – Мы же с тобой не ссорились. И не называй меня Герой, меня это злит.

– Тебя вечно всё злит. А резкость вполне обоснована. С вашей братией надо сразу брать быка за рога, иначе потом за улыбочками и лестью рискуешь пропустить момент, когда проснёшься однажды утром с неприятным ощущением в пятой точке. Так что тебе от меня нужно?

– У нас есть один любопытный проект. Но нам необходимы связи в некоторых областях, к которым ты, возможно, имеешь касательство, – пустился в пространные объяснения Геркан.

Нилия тем временем наклонилась ко мне и тихо зашептала на ухо:

– Мастер в своей жизни создал множество великих вещей. Но насколько прекрасны его творения, настолько же безобразны манеры.

– А что он создал?

– Он был великим художником и инженером. Он создавал такие статуи, что казались живыми. Он построил лабиринт на Крите, в котором заперли Минотавра. Он сконструировал деревянную корову для Пасифаи, жены Миноса.

– Для чего деревянная корова? – не понял я.

– Для жены Миноса, – щёки Нилии тронул румянец. – Потом расскажу.

Я не стал настаивать, тем более что Геркан уже закончил свой рассказ.

– Ты сможешь помочь нам, мастер Дедал? – спросил он Мертвицкого.

Герой кинул на меня неприятный взгляд:

– Меня зовут Александр Мертвицкий.

– Брось, смертный посвящён, – по-свойски сказал Геркан.

– Меня зовут Александр Мертвицкий, – с нажимом повторил тот.

– Хорошо, как скажешь, – сдался Георгий Денисович. – Так ты нам поможешь?

– А мне что с того? – в голосе Мертвицкого зазвучали торгашеские нотки.

– Возьмём тебя в проект, – мурлыкнула Нилия. – Или мужчина хочет ласки?

– Отстань, Эротова дочь, ты не в моём вкусе, – отмахнулся Мертвицкий. – И ваш проект мне неинтересен. Ты же знаешь, деньги мне не нужны, верующие мне ни к чему. Я вольный художник.

Нилия фыркнула и поджала губки.

– А над чем вы сейчас работаете? – пришла вдруг мне в голову идея.

Мертвицкий кинул на меня косой взгляд, хмыкнул. Подошла неспешная официантка, составила на стол неказистые чашки с кофе и блюдо с пирожным для Нилии.

– Вам чего? – каркнула официантка Мертвицкому.

– То же самое, – бросил тот, не особенно интересуясь, что в наших чашках.

Официантка удалилась. Я поднял чашку, запах от неё шёл как от плохого растворимого кофе. Собственно, закономерно для такой забегаловки. Я сделал глоток, на вкус пошло было ничуть не лучше, чем на запах.

– Ты слышал историю про крылья, посвящённый смертный? – спросил Мертвицкий.

– Про Дедала и Икара? Кажется, они хотели сбежать из заточения. Бегство обычным способом было невозможно, и Дедал сделал крылья из перьев и воска, чтобы улететь. В пути юный Икар увлёкся полётом, поднялся слишком высоко. Солнце расплавил воск, крылья пришли в негодность, и Икар разбился. Так?

– В общих чертах, – кивнул Дедал.

– Мне всегда было интересно конструктивное решение этих крыльев. Воск ведь тяжёлый и непрочный, как оно вообще могло работать?

– Там были не только воск и перья, – в глазах Мертвицкого загорелся азарт, и я понял, что попал в точку, зацепил за живое. – Конструкция была сложнее. И мир был молод, жил

по иным законам. Боги были в силе, и тот, кто истово молился и просил высших существ о помощи, мог заставить летать с помощью богов что угодно. И не только летать. Сейчас мир другой, та конструкция не взлетела бы ни при каких условиях.

– Почему?

– Грёбанные законы грёбаной физики. Теперь, чтобы взлететь, нужна принципиально другая конструкция, потому что в воздух её поднимают совсем другие силы. Вот над этой конструкцией я сейчас и работаю. Устроился в КБ, выбил проект, выклянчил грант. Я же не бог, деньги не рисую.

– Если тебе всё-таки нужны деньги, только намекни, – тут же вклинился Георгий Денисович, – боги не обойдут тебя в своей заботе.

– Дело не в деньгах, Гера. Дело в том, что я слишком стар для этого мира. Вроде бы на первый взгляд мне всё понятно, но какие-то детали периодически ускользают. Мне нужны молодые мозги.

– Если я дам их вам? – спросил я, чувствуя, что схватил бога за бороду.

– Тогда я дам твоему приятелю то, что он хочет.

– Видишь, – обрадованно подытожил Геркан, – я же говорил, что сотрудничество возможно.

– Возможно всё, если не распалиться. А ваша братия слишком много болтает, – Мертвицкий поднялся из-за стола, он смотрел на меня теперь сверху вниз, но при этом в его взгляде не было ни превосходства, ни пренебрежения. – А ты, посвящённый смертный, будь с ними поосторожнее. Богам нельзя доверять. Верить в них можно, верить им – нельзя.

– Спасибо за совет, – кивнул я.

Но мой ответ, кажется, мало интересовал Мертвицкого. Он уже шёл к дверям, прямой как жердь, шёл и не оглядывался.

– Ты его подцепил, – мягко проворковала Нилия. – Только где ты возьмёшь то, что ему нужно?

– Есть один знакомый. Учился в авиационном, всех поражал грандиозными идеями и конструктивными решениями, окончил с отличием и невероятными перспективами... Теперь бухгалтерские программы клиентам настраивает.

– Вы, смертные, удивительно плохо приспособливаетесь, – фыркнул Геркан. – Уехал бы за океан, был бы востребованным.

– Ему и здесь хорошо, а за океаном не так радужно, как рисует воображение.

– Ваша межплеменная возня уже давно навеивает скуку, – поморщился Геркан.

– А тебе друга не жалко? – невинно поинтересовалась Нилия.

– А почему мне должно быть его жалко? – не понял я.

– Мастер Дедал очень красиво сказал про доверие, – плотоядно улыбнулась богиня, – но только забыл упомянуть, почему он оказался на Крите у Миноса. У него был племянник Талое. Дедал взял его в ученики. Когда стало ясно, что ученик начинает превосходить в своих талантах учителя, Дедал пригласил его на прогулку и спихнул со скалы. За это Дедала изгнали из Афин. Он нашёл себе прибежище на Крите. Минос был добр к нему, но очень скоро Дедал решил, что его новое прибежище стало для него пленом. Тогда он сбежал при помощи крыльев в царство Кокала. Кокал дал ему прибежище, как прежде его дал Минос. Дочери Кокала были добры к Дедалу. Когда Минос нашёл Дедала и приехал за ним, эти милые дивы пригласили его...

– На прогулку в горы? – усмехнулся я.

– Нет, милый, на девичник в баню. Где и сварили бывшего покровителя мастера Дедала в кипятке. Так что я бы на твоём месте трижды подумала, прежде чем доверять нашему славному мастеру.

– А кому можно доверять? – риторически поинтересовался я.

– Мне можешь, возница, – сухо сказал Геркан.
Нилия не ответила, только улыбка её стала шире.

Глава 5

Явление истинного бога

– Серёня, я знаю, зачем ты звонишь, но ситуация не изменилась, – запричитал в трубке голос Лёньки. – Если тебе так надо, хочешь, я кредит возьму или ограблю кого-нибудь.

– Не хочу, – милостиво сообщил я. – Тебе работа нужна? Интересно, серьёзно, по специальности.

В трубке возникло долгое молчание. Старый приятель обдумывал сказанное.

– За деньги, – добил товарища я.

– Издеваешься? – недоверчиво уточнил приятель.

– Один чувак в закрытом КБ занимается революционным проектом, – начал я издали. Нилия и Геркан наблюдали за мной с интересом.

На античной кухне Геркана созрел виноград. Нилия дёрнула спелую гроздь из-под потолка и отправляла в рот по одной ягоде. Георгий Денисович материализовал очередной бездонный бокал и потягивал вино.

Заинтересовать Лёньку было несложно. Мы с ним знакомы половину жизни, и я прекрасно знал, на какие точки давить, чтобы купить его с потрохами. Разговор можно было закончить с положительным результатом значительно быстрее, но я решил немного поиграть: пусть боги знают, что я не только могу идеи генерировать, но и языком работаю неплохо. Работодателю надо давать понять, что ты необходим, а то может закрасться иллюзия, что тебя можно заменить.

Постулат про «незаменимых людей нет», может быть, работал во времена Вудро Вильсона и даже позже, во времена Сталина, которому у нас приписывают авторство этой фразы, но сегодня, в век тотального непрофессионализма и всеобщей безграмотности, прикрытой иллюзией поверхностных знаний всего на свете, незаменимые есть. И если уж ты можешь стать незаменимым, то показать свою незаменимость заказчику не стыдно.

Лёнька клюнул на предложение. Да он и не мог не клюнуть. Пообещав, что устрою ему встречу с Мертвицким в течение недели, я повесил трубку и посмотрел на застывших в ожидании богов.

– Ну?! – первым не выдержал Геркан.

– У нас есть, что предложить Дедалу.

Георгий Денисович шумно выдохнул и одним глотком осушил бокал. Впрочем, тот тут же наполнился снова.

– Я не ошибся в тебе, возница, – самодовольно поведал Геркан, поигрывая бокалом в пальцах. – Что теперь?

Мне было, что ему ответить, я уже набрал побольше воздуха, чтобы разлиться соловьём о будущем нашего бизнеса, как вдруг раздался неприятный и неуместный в этом увитом виноградом античном саду звук дверного звонка.

Геркан жестом велел мне заткнуться, кинул беглый взгляд на дверь и напряжённо посмотрел на Нилию.

– Это кто?

Богиня легко пожала плечами.

– Твой дом, тебе виднее.

– Я не вижу, – раздражённо огрызнулся Геркан.

– Так пойдёшь и открой, – предложила богиня.

– Умные все, – пробурчал Георгий Денисович и пошёл в прихожую.

Я поглядел на Нилию, которая продолжала беспечно уминать виноград.

– Что значит «не вижу»?

– То и значит.

– Вы что, через стены видите?

– Милый мальчик, по-твоему, бог – это рентгеновский аппарат? Мы скорее чувствуем. Но не всех. Вот если бы ты стоял за дверью, я бы это точно знала. Но там кто-то явно сильнее.

– Что-то ты не рад видеть папу, засранец, – раздался из прихожей знакомый голос, пресекая следующий вопрос.

И в кухню ввалился мой вчерашний попутчик в кожаной куртке.

– О, Серёга! И ты здесь, – радостно сообщил Дениска.

– Здравствуйте, – приветствовал я без особенной радости.

– Дионис, – нахмурилась Нилия. – Зачем пришёл?

– А ты не очень-то любезна, Эротова дочь. И ты, Серёга, что-то не рад меня видеть. Я тебя обидел чем-то?

– Вы меня обманули.

– А ты не расслабляйся, – хохотнул Дениска и плюхнулся на мраморную лавку.

Следом за Дионисом на кухню вошёл Геркан. Вид у Георгия Денисовича был сейчас куда более раздражённым и подавленным, чем после общения с ВОХРами.

– Что тебе надо? – процедил он.

– А я смотрю, мне здесь буквально все рады, – широко улыбнулся Дионис. – Угостишь папу винишком?

Геркан сделал движение рукой, и на столе перед Дионисом возникла чёрнозолотая чаша с античной росписью.

– Знаешь, чем порадовать папу, – Дениска приложился к чаше и поморщился, – а вино у тебя дерьмовое. Никогда не понимал, как ты можешь пить такую дрянь. Сказать кому, что сын Диониса не брезгует французским пойлом, – стыда не оберёшься. Позор.

Дениска снова приложился к чаше и оглядел присутствующих хитрым взглядом:

– Ну, что затеваете, мелочь пузатая?

Нилия фыркнула, Геркан стоял в дверях молчаливым изваянием и походил сейчас на мальчишку, который стесняется своих родителей перед одноклассниками. Дионис перевёл взгляд на меня:

– Эти будут в молчанку играть, а ты что скажешь? Не будешь же ты врать богу, возница. Архаичное словечко в устах Диониса прозвучало куда естественнее, чем из уст его сына.

– Я агностик.

– Смелый ты парень, Серёга, – хохотнул древний бог. – Ну, давай, агностик, рассказывай, чего вы здесь затеяли.

– Шоу снимаем, – ответил я. – Типа «скрытой камеры».

Дениска снова расхохотался и обернулся к Геркану:

– Где ты его нашёл?

– Чего ты хочешь? – голос Георгия Денисовича дал слабинку.

– Ничего. Мне просто интересно, чем живёт мой непутевый отпрыск и его подруга, – Дионис приложился к чаше, поморщился и снова поглядел на меня. – Давай, Серёга, колись. Я ведь всё равно узнаю.

– У нас совместное предприятие.

Геркан подался вперёд, явно желая заткнуть мне глотку. Нилия замерла, так и не донеся до рта очередную виноградину.

– Извозом займётесь? Геркан-такси? – в голосе Диониса звучала издёвка, божество развлекалось.

– Взорвём рынок новым изобретением, – не без хвастовства сказал я. – У Дедала есть разработка крыльев, у нас есть люди, способные и готовые довести её до ума, и понимание, как это продать. Так что, Дениска, скоро на каждом углу будет звучать имя вашего сына.

Нилия открыла рот, но быстро сориентировалась и с непринуждённым видом забросила в него виноградину. Геркан сохранял мрачный вид.

– Вот как, скульптор снова возомнил себя инженером... Знаешь, Серёга, ни хрена у вас не выйдет. Как сказал один ваш беллетрист: «В одну телегу впрячь не можно коня и трепетную лань»⁵. Два бога и один герой никогда не договорятся.

«Как сказал один ваш беллетрист»... Знакомое выражение. Где-то я его слышал? Только если у Георгия Денисовича в этой фразочке сквозило пренебрежение и превосходство, то у его божественного папаши она звучала скорее с иронией. Геркан стоял в дверях и чуть не дымился, стараясь подавить раздражение.

– Это мы посмотрим, – я постарался вложить в голос максимум уверенности.

Дионис поглядел на меня с одобрением.

– Нет, Гер, в самом деле, где ты его нашёл? Называет себя агностиком, а разговаривает со мной, как будто атеист. И идея заработать на Дедале с его бреднями была твоя, скажи, Серёга. Этот позор моих чресел вряд ли бы до такого додумался.

Георгий Денисович промолчал, только зубами скрипнул. Я сдержанно кивнул. Если тебя хвалят, стоит насторожиться. И не потому, что ты плох и не заслужил похвалы, а потому, что дифирамбы расслабляют, а расслабленного легче взять за горло.

– Весёлый ты парень, Серёга! – Дионис залпом опорожнил чашу, сморщился, будто та была до краев наполнена лимонным соком, и встал из-за стола. – Закроешь за мной?

Взгляда на моих компаньонов хватило, чтобы понять – решение принимать мне. Я кивнул и пошёл в прихожую вслед за Дионисом.

Древний бог дотопал до двери, обернулся и посмотрел на меня неожиданно тепло и открыто:

– Ты обращайся, если что, Серёга. Этому оболтусу давно было пора заняться делом, может, хоть с твоей помощью он чего-то добьётся. Я ж, как отец, переживаю.

В глазах бога блеснула скупая мужская слеза. Он хлопнул меня по плечу, отпер дверь и, бросив на ходу «обращайся», вышел. Заперев за Дениской, я вернулся на кухню.

Геркан уже сидел за столом и нервно раз за разом прикладывался к своему бездонному бокалу.

– Зачем ты сказал ему про Дедала?

– Надо было что-то сказать, – пожал я плечами.

– Старый козёл, – проскрежетал Георгий Денисович сквозь зубы.

– По-моему, он за вас переживает, – сказал я.

– Переживает? Да я скорее поверю, что Нилия девственница, чем в его переживания.

Геркан схватил со стола пустую античную чашу и со всей силы швырнул об стену. Брызнули черепки.

Признаться, я тоже не очень поверил Дениске, но вслух говорить об этом не стал.

Едва за Дионисом закрылась дверь, на лице его не осталось и намёка на участие, сопереживание, иронию. На лице его теперь вообще не было эмоции, будто богатую мимику выключили нажатием тумблера. Дионис прошёл к предупредительно распахнутым дверям лифта, спустился вниз и сел в такси с жёлтыми номерами. Адреса он не назвал, заказ был оформлен и оплачен заранее. Водитель не отличался разговорчивостью, и древний бог в тишине добрался до места назначения – аэропорта Внуково.

Такси остановилось перед входом терминала «для частных». Дионис всё так же молча покинул салон автомобиля и прошествовал в здание аэропорта. Там он первым делом прошёл

⁵ А.С. Пушкин «Полтава».

в туалет. Внутри бог находился не больше минуты, но если в кабинку он зашёл в кожанке и джинсах, то вышел в элегантном дорогом костюме.

Эдаким франтом, лишённым эмоций, Дионис прошёл контроль, выпил кофе в зале вылета, сел в частный самолёт «Embraer Legacy 600» и, устроившись поудобнее в кремовом кожаном кресле, всё время полёта пил «Single Malt» от Ичиро Акуто и читал марвеловские комиксы.

Ах да! Пред самым взлётом, прежде чем выключить смартфон, Дионис отправил короткое сообщение: «Завтра в полдень».

Глава 6

Нарт

– Милый мальчик, я вижу, тебе надоело гулять.

Я кивнул. Нилия была права, прогулка меня утомила, и вовсе не потому, что я не любил гулять. Просто гулять с богиней по Арбату оказалось дурной затеей. Нилия не прогуливалась, не шла, она несла и демонстрировала себя. Смотрите, смертные, говорило каждое её движение, вот я, совсем рядом, такая доступная, такая раскрепощённая, кажется – только протяни руку и схватишь, но ни один из вас до меня не дотянется, пока я не позволю. И смертные смотрели, выворачивали шеи, провожали взглядами.

Первое время мне льстило идти под руку с такой женщиной и собирать завистливые взгляды недопущенных к телу. Но очень быстро чувство превосходства улетучилось. А чем я, собственно, лучше них? Тем, что богиня решила, что я ей симпатичен и поиграла со мной ночью? Какой бы неизвестной и беспомощной она ни была, у неё вечность позади, вечность впереди и любые отношения с любыми смертными для неё только забава. От этой мысли настроение сделалось мрачным. Да и Арбат не радовал. Видимо, я не бродил здесь слишком давно, и улица, воспетая Окуджавой, сильно изменилась. Здесь всё так же ходили москвичи и гости столицы, всё так же жили никогда не спящие питейные и едальные заведения. Так же художники торговали наскоро намалеванными типовыми пейзажами, а другие рисовали желающих увековечиться по сходной цене в любом варианте – от карикатуры до академического рисунка. Особо денежным клиентом всё так же предлагался портрет по фотографии маслом в интерьерах девятнадцатого века или доспехах шестнадцатого. Всё так же работали за подаяния мимы, музыканты и певцы, всё так же среди них затёсывалась нищая молодёжь, фальшивящая под три аккорда что-то из русского рока. Но во всём этом не было теперь души, а было что-то искусственное, натянутое. Арбат изменился, а может быть, изменился я, или просто с возрастом ушёл флёр очарования, покрывавший прежде эту улицу.

– Пойдём домой? – поинтересовалась Нилия и поглядела на меня как-то чрезмерно плотоядно, настолько, что домой идти расхотелось.

– Пойдём поужинаем, – сказал я и свернул на летнюю веранду первого попавшегося кафе.

Нилия не стала спорить. Всё с тем же видом, с каким шла по улице, внесла себя в кафе и усадила за столик. Закинула ногу на ногу, закусила губу, изучая меню. Со стороны могло показаться, что богине совершенно неинтересно происходящее вокруг, но каждое движение её было заточено на реакцию публики, и, вроде бы не замечая этой реакции, она явно упивалась ей.

Мне вдруг подумалось, что ей совершенно ни к чему ни Геркан, ни я со своими идеями. Она могла бы стать, к примеру, киноактрисой и заработать невероятную паству на киноманах, которые вознесли бы её до высот Анжелины Джоли, если не Мерлин Монро.

– Могла бы, – улыбнулась мне Нилия. – Только такая слава – мгновение по сравнению с вечностью. А дальше? И потом, зарабатывать на том, что получил от рождения, скучно.

Я поёжился. Всё же они читают мысли, или я начал бормотать вслух?

Богиня в ответ рассмеялась своим серебряным смехом. Подошёл официант. Нилия заказала что-то обыденное, но спрятанное под непроизносимым названием. Я хотел было выпендриться, чтобы соответствовать, но, посмотрев на свою спутницу, подавил желание и попросил принести пива и шашлык.

Официант ушёл, будто растворился. Богиня смотрела на меня как на картинку из эротического журнала.

– Так и будешь молчать? – поинтересовалась она. – Ты, конечно, очень милый, когда задумчивый, но хватит кукситься.

Это было сказано почти по-человечески, но чего-то не хватило для человечности. Если бы Нилия сейчас просто взяла меня за руку, я бы поверил в искренность, но она продолжала сидеть точёная, как изваяние самой себе. Я молча отвернулся и принялся разглядывать горстку народа, собравшуюся возле уличного музыканта напротив кафе.

Принесли напитки. С той стороны улицы неслись под струнный перебор удивительно мелодичные напевы. Я прислушался. Невидимый за сгрудившейся толпой музыкант пел о красавице, которая пошла на реку стирать. По другой стороне реки гнал стадо пастух. Он увидел прекрасное нагое тело незнакомки, и им овладела такая страсть, что, не в силах обуздать эту страсть, он присел на камень и излил её. Девушка же всё видела, она стала следить за камнем, считать дни. Когда вышел срок, камень раскололся, и внутри его был младенец. Девушка взяла младенца себе и нарекла Сосланом.

Сюжет показался бесхитростным и немного пошловатым, как фабула пролога фэнтезийного романа. Голос звучал сильно, уверенно и с какой-то потаённой романтической грустью. Видимо, исполнитель был из когорты любителей Толкиена. Я даже представил себе молодого парня в эльфийском прикиде. Жаль, что толпа скрывала музыканта и проверить предположение не удалось. Мне было интересно послушать, что стало дальше с красавицей, от одного вида которой пастухи изливают семя на камни, но песня закончилась, а подоспевший официант принёс заказ, и мы принялись за еду.

Нилия и из ужина умудрилась устроить шоу. Я безостановочно ловил со всех сторон мужские взгляды, а сидящий за соседним столиком парень просто до неприличия пялился на мою божественную спутницу, пока не получил тираду гневным шепотом от своей подружки.

– Ты могла бы этого не делать? – поинтересовался я у Нилии.

– Да ты, никак, ревнуешь? – улыбнулась дочь Эрота. – Милый мальчик, я не твоя собственность.

Я яростно дёрнул зубами мясо с шампура и в раздражении запил пивом. От понимания, что она права, почему-то брала злость. И не потому, что я не признаю отношений без обязательств. Но в данном случае возникало ощущение, что как к собственности относятся ко мне самому. От этого ощущения захотелось встать из-за стола, сказать: «Знаешь, милая девочка, я ведь тоже не твоя собственность» – и уйти. Я в один глоток допил пиво, поднялся, бросил на стол деньги, с лихвой перекрывающие счёт, и посмотрел на Нилию...

На губах богини играла лёгкая полуулыбка, в огромных глазах её было что-то такое, что напрочь убило мою решимость. На неё невозможно было повысить голос, с ней нельзя было разговаривать как со смертной женщиной. Ей можно было только восхищаться.

– Я покурю снаружи, – хрипло проговорил я, чувствуя, что задыхаюсь от восхищения.

– Конечно, – улыбнулась богиня.

Сигарета гуляла в непослушных пальцах. Я кое-как прикурил и затянулся полной грудью. Наваждение медленно отступило. Чёрт бы подрал эту чудо-женщину. Как она это проворачивает? Снова пустив дым в лёгкие, я перешёл через улицу и влился в толпу, окружившую музыканта. Тот перебирал струны, и мне стало ужасно любопытно посмотреть, насколько я угадал с его внешностью. К удивлению моему, не угадал вовсе. Не было никакого парня в эльфийском костюме. На тротуаре в кругу слушателей сидел бомжеватый одетый старик с козлиной бородкой и выдающимся носом. Лицо его испещряли глубокие морщины, говорящие о необыкновенно богатой мимике, из-под кустистых изогнутых бровей на зрителей глядели удивительно живые глаза. В них было что-то молодое, озорное. Сам старик выглядел поджарым, тощим и подвижным, как бродячая собака.

Тонкие длинные пальцы музыканта перебирали струны незнакомо-инструмента, напоминавшего нечто среднее между арфой и гусями.

– Я спою вам о великом нарте Сослане, – с видом былинного Баяна поведал старик, перебирая струны. – О том, как закалили его тело и как обрёл он свою неуязвимость.

В этом театрализованном представлении было что-то наивное до комичности, но я не успел улыбнуться. Старик запел, и все мысли о наивности, комичности, театральности улетели прочь. Голос уличного музыканта звучал негромко, но в нём было столько мощи, столько веры, что всякие мысли о неискренности пропадали сами собой.

Старик пел о мальчике Сослане, родившемся из камня, что рос не по дням, а по часам. И о том, как мальчик дерзко отвечал старшими и требовал, чтобы его отдали небесному кузнецу, дабы тот закалил его в молоке волчицы. Люди племени нартов жили тогда в мире с небожителями и мальчика отвели к небесному кузнецу Курдалагону, озвучив ему требование Сослана. Небесный кузнец согласился закалить мальчика и велел выдолбить из ствола большого дерева ладью, достать сто мешков угля и сто бурдюков молока волчицы.

Когда всё было исполнено, Сослана положили на дно оврага и завалили углём. И сто мехов раздували угли докрасна. И полыхали угли до тех пор, пока лицо мальчика не покраснелось и не появилась на нём улыбка. Тогда наполнили ладью волчьим молоком из ста бурдюков, и выхватил небесный кузнец Сослана из раскалённых углей и бросил его в ладью. Зашипело молоко, превращаясь в белый пар. И закалилось тело Сослана, и превратилось оно в чистый булат.

Но тот, кто резал ладью, ошибся и сделал её на четыре пальца ниже. Не уместился Сослан в ладью, согнул колени, и не покрыло их волчье молоко, и не закалились его колени...

Старый музыкант замолчал, пальцы всё ещё теребили струны странного инструмента. Над притихшей толпой лилась светлая грустная мелодия.

Я стоял, как громом поражённый. Одно дело было вслушиваться в песню издали, совсем другое – попасть в ареал магии, который создавала музыка. Всё, о чём пелось в песне, будто пронеслось перед глазами. Я словно побывал там. Видел, как долго и многотрудно ищут волчье молоко. Видел мальчика на дне оврага, юное тело, обложенное красными от жара угольями. Чувствовал жар, слышал сиплый надув мехов и треск угля, а потом ветер донёс запах испаряющегося молока...

Пальцы обожгло. Я дёрнулся, затряс рукой, только сейчас вспомнив о непотушенной сигарете, которая медленно, но верно дотлела до пальцев.

Затихли последние звуки, сорванные со струн искусным музыкантом, в воздухе таяли остатки магии настоящего искусства.

– Ох ты! – раздался над ухом удивлённый голос.

Я обернулся. За моим плечом стояла Нилия и глядела на старика с тем выражением, с каким смотрят на старого знакомого, которого не видели много лет.

– Ты его знаешь?

– Это Сырдон, сын Гатага, – тихо проговорила богиня.

– Он что, тоже из ваших?

– Из соседних, – улыбнулась Нилия. – Я его лет триста не видела.

– Чёрт, – выругался я с чувством. – У меня начинает возникать ощущение, что богов и полубогов в окружающем мире больше, чем простых смертных, и все они почему-то собрались здесь, в Москве.

– Не переживай, – успокоила Нилия, – вас семь миллиардов, и вы плодитесь как кролики. Нас значительно меньше, даже если считать тех, кто забыт вовсе. И здесь далеко не все. Хотя высших в Москве, конечно, немало.

– Почему?

– Слышал выражение «место силы»? Вы его, правда, используете не совсем верно. Мегаполис – это всегда большое скопление людей, а большое скопление паствы – это потенциальный источник силы. Ну и у каждого свои причины. Вот Дионису, к примеру, здесь «душевно пьянствовать», как он выражается.

Старик тем временем достал из потрёпанного брезентового рюкзака тряпицу и принялся с бережностью оборачивать инструмент. Толпа, поняв, что представление закончилась, начала редеть. Музыкант убрал обёрнутый тряпкой инструмент и, закинув рюкзак на плечо, пошёл в сторону метро.

– Что он тут делал? – поинтересовалась Нилия, глядя в спину уходящему.

– Играл и пел. Если это можно так назвать...

– Что, так плохо?

– Божественно!

На лице Нилии возникло расчётливое выражение.

– А ну-ка, идём, – бросила она и зацокала каблучками вслед за стариком.

– Куда? – не понял я, устремляясь за богиней.

– Как это «куда»? Это же готовый проект! Мы его раскрутим, он станет собирать залы, барыши пополам.

– Ты же говорила, что такая слава – мгновение в сравнении с вечностью, – припомнил я.

Нилия даже сбилась с хода, оглянулась, бросив на меня удивлённый взгляд:

– Милый мальчик, одно дело – торговать собой, другое – продавать ближнего. Подожди!

Нилия остановилась и придержала меня за плечо. Старик уже дошёл до метро, но притормозил и разглядывал стоящих в стороне сотрудников полиции. По всему было видно, что любопытство музыканта отнюдь не праздное. А потом случилось такое, чего я не ожидал даже теперь, когда, казалось, уже привык к божественным фокусам.

Старик ловко крутанулся на месте, а когда обернулся, был уже не стариком. Там, где только что стоял бомжеватого вида сухощавый уличный музыкант, теперь возвышался здоровенный мужик в полицейской форме с майорскими погонами.

– Он что, оборотень?

– Это было бы слишком примитивным определением для Сырдона, – покачала головой Нилия. – Но такой талант у него тоже есть.

Липовый майор тем временем уверенной походкой подошёл к полицейским и принялся что-то начальственно выговаривать. Что он говорил, с такого расстояния услышать было невозможно, но младшие по званию явно напряглись. После обмена с майором несколькими репликами младшие по званию, растеряв всю вальяжность, поспешно ретировались. Майор же неспешно прошествовал в ближайшую арку, из которой через мгновение вышел гнусно улыбающийся старик.

– Идём, – скомандовала Нилия и зашагала навстречу уличному музыканту. Я пошёл следом.

Старик увидел богиню не сразу, а когда увидел, по лицу его пробежала тень, видимо, он не испытал от встречи большой радости. Но времени и места для маневра у музыканта уже не оставалось, потому он тут же растянул губы в хитрой лисьей улыбке.

– Привет тебе, Сырдон, сын Гагага, – приветствовала Нилия.

– Здравствуй, гордая, – кивнул старик. – Зачем так официально? Зови меня просто Нарт.

Старик посмотрел на меня с хитрым прищуром:

– Смертный?

– Сергей, – представился я. – Я слышал, как вы пели. Это было потрясающе.

– А ты что здесь затеял, Нарт? – поспешно перебила меня Нилия, уводя разговор в другое русло.

– Пустяки, – весело отмахнулся старик. – Просто гордые сотрудники полиции и лично сержант Москаленко на днях промурыжили меня в отделении три часа к ряду. Теперь их майор отправил доблестного сержанта и его коллег за редким пивом, которое продаётся в одном магазинчике в Бибирево. Или не продаётся. Пускай поищут.

– Ты всё такой же пройдоха, бедовый, – мило улыбнулась Нилия.

– Да и ты не изменилась за последние триста лет.

Было видно, что Нилия приняла это как комплимент, и он ей явно пришёлся по душе.

– Может, угостишь бедного нарта пивом, раз уж мы так неожиданно встретились?

– А я, признаться, думала, что тебя уже нет в живых, – безо всякого стеснения влупила Нилия.

Мы сидели в какой-то полуподвальной крафтовой пивной, у массивной барной стойки. Нарт пил пиво со вкусом, пена повисала на усах, по лицу было видно, что он наслаждается каждым глотком.

– Да что мне делается? – хитро сощурился старик. – Меня сколько раз убивали. Но кому под силу победить Сырдона? Ты хоть в бездну кинь его, всё равно сухим выйдет.

– Чем занимаешься?

– Хожу, пою.

– О чём?

– О том, что знаю, и о том, во что верю. О нартах, – просто сказал старик и повернулся ко мне: – Кстати, смертный Сергей, ты знаешь, что пиво изобрели нарты?

Я пожал плечами.

– Первый раз слышу.

– Летела птичка, села на хмельную лозу, клюнула шишку хмеля, полетела дальше. Прилетела в село нартов, увидела солод, что сушился на солнце, клюнула зернышко и свалилась на землю. Лапки не держат, и взлететь не может. Это видела мудрая Шатана, взяла она солод, сварила, процедила, добавила закваску из хмеля. Зашипело варево, покрылось белой пеной...

Нарт с удовольствием опорожнил кружку, сделал знак бармену, чтобы тот повторил, и отёр пену с усов.

– А нарты – это кто? – полюбопытствовал я. – Тоже боги?

– Просто люди. Великий народ. Они ходили в походы, побеждали соседей и великанов-уигов. Они запросто говорили с богами. А когда победили всех и поняли, что становятся мягкими в отсутствие достойных противников, бросили вызов самому Создателю.

Перед Сырдоном поставили свежий напиток, и он надолго припал к кружке.

– Вот только Создатель не оценил шутки, и доблестных нартов не стало, – грустно закончил он. – Про это у меня тоже есть песня.

– А Сослан, про которого вы пели?

– Сослан погиб. Давно. Великий был воин и человек достойный. Теперь его нет. Никого нет. Я – последний, потому что самый хитрый, – ухмыльнулся Сырдон. – Вот пою про великий народ, которого больше не существует. Это моё бремя. Но пока живёт песня, живёт память. А пока живёт память о людях, люди живы. Как считаешь?

Вопрос был риторический. Я пожал плечами.

– Пойду, освобожу место под ещё парочку кружечек, – Сырдон соскочил с высокого барного стула и затрусил в сторону туалета.

– Занятный старик, – поделился я с Нилией, которая молча наблюдала за нашим диспутом.

– Занятный. Он бы показался тебе ещё занятнее, если бы ты узнал, что в убийстве Сослана, которого он воспевал, есть львиная доля его участия.

– Это что, – не понял я, – такой способ раскаяться?

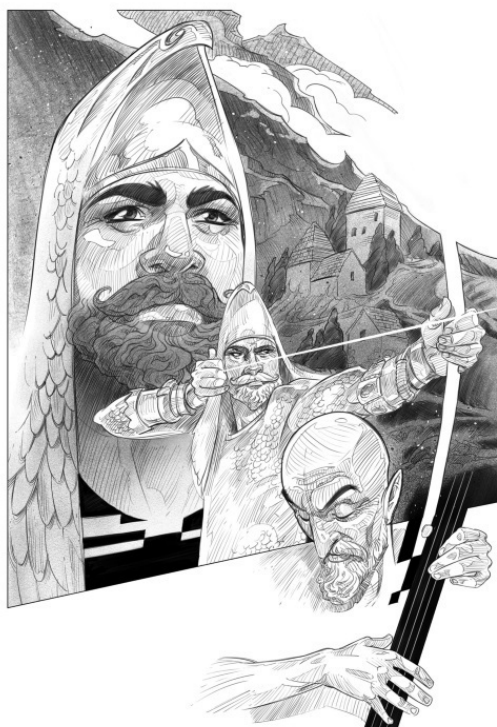
– Ему не в чем каяться, – улыбнулась Нилия. – Сослан убил его сына.

– Тогда зачем он поёт о нём как о герое? – совсем потерялся я.

– Потому что Сослан – герой. Ты как первый день живёшь.

– Я привык судить о людях по поступкам.

– Ты очарователен, – рассмеялась Нилия и добавила серьезно: – Иногда хорошие люди совершают плохие поступки, а иногда плохие – совершают хорошие. У вас, у смертных, всё непросто.

– А у богов?

– А боги живут совершенно другими представлениями, без деления на добро и зло, – и это прозвучало так, будто богиня говорила с ребёнком.

Глава 7

Громовержец, козёл и повод подумать

Огромный дворец, расположившийся на берегу Люцернского озера у подножья горы Риги, именовался «Park Hotel Vitznau», имел на дверях пять звёзд и считался одним из самых дорогих отелей Швейцарии. Но Дионис остановился здесь вовсе не по этой причине. Просто именно здесь была назначена встреча.

Плотно позавтракав, могучий старик пофлиртовал с девочкой, дежурившей у стойки администратора, вышел на берег Люцернского озера, устроился в белоснежном шезлонге и, прикрыв глаза, подставил свои гладкие юношеские щеки альпийскому солнышку. Впрочем, подремать ему удалось минут десять. Ровно в полдень свет ласкающего веки солнца померк и над головой раздался раскатистый бас:

– О, гряди, Дионис благой,
В храм Элеи,
В храм святой,
О, гряди в кругу хариты,
Бешено ярый,
С бычьей ногой,
Добрый Бык,
Добрый Бык!

Дионис открыл глаза и приподнялся на локте. Перед ним стоял бородач в потёртых брюках и растянутом свитере. В нечёсаной, чёрной как смоль шевелюре и бороде мужчины серебрилась тонкими нитями седина. А ещё человек, заслонивший солнце, был огромен, настолько, что могучий Дионис на его фоне уже не выглядел внушительно.

На круглолицего бога это, впрочем, не произвело особого впечатления.

– Не нависай, громовержец, – без намёка на пиетет сказал он.

На небе, где ещё минуту назад не было ни облачка, за клубились тучи, на глазах наливаясь свинцом.

– Ты как с отцом разговариваешь? – громоподобно пророкотал бородач.

– Не прошло и вечности, как ты официально признал меня сыном? Гера будет в ярости.

– Да вот ещё! – басовито хохотнул бородач и плюхнулся на соседний шезлонг. – Хочешь, можешь провести экспертизу ДНК. Интересно посмотреть на физиономии смертных, которые будут её проводить.

Небо снова прояснилось, лёгкий ветерок стремительно разогнал тучи. Настроение громовержца, судя по погоде, снова стало благостным. Дионис поморщился:

– Никогда не понимал твоего позёрства. Зачем тратить силу на эти игры с тучками, если они не произведут на меня никакого впечатления.

– Традиции священные, – пожал плечами громовержец. – А я вот не понимаю твоей страсти устраивать встречи на свежем воздухе. С этого треклятого озера тянет сыростью.

– Только не говори, что у тебя проблемы с костями, Зевс.

– Проблемы с костями у тех, кто действует мне на нервы. Когда я сержусь, кости ломаются.

Словно в подтверждение его слов гладь озера подернулась рябью, а по небу побежали низкие облака.

– Мне тесно внутри, – признался Дионис. – В этом парк-отеле низкие потолки.

– Низкие??? Да ты зажрался. Они выше, чем в большинстве местных отелей.

– Они ниже, чем в храме, – вздохнул Дионис.

– Ах, ты об этом, – нахмурился Зевс. – Пора бы уже привыкнуть. Как прежде не будет, довольствуйся тем, что есть. А если станет неудобно, подумай, каково теперь мне. И ничего, живу.

– Ты и в этих обносках себя неплохо чувствуешь. Свитер с оленем, драные штаны... мог бы надеть что-то поизящнее.

– Мог бы. А зачем? Силу даёт слепая вера, а не пристальное внимание. Внимание лишь плодит ненужные вопросы. Миром правят не дорогие костюмы, а потёртые джинсы. Я – прямое тому доказательство. Я не хозяин компании, меня нет в списке директоров. Я вообще никто. Просто старейший сотрудник – талисман. Никто даже не знает, чем я занимаюсь в компании. И моё имя никак не созвучно с названием. Но посмотри на меня!

Голос громовержца прозвучал трубно и настолько властно, что мог бы легко поднять и кинуть в бой даже не армию, а население целой страны. Причём неважно за что – хоть за пуговицу от штанов.

Повинуясь зычному басу, Дионис поднял взгляд на бородача.

Тот легко вскинул руку, небо по мановению пришло в движение. Облака налились свинцом, за клубились, забурлили с противоестественной скоростью, словно небо опрокинули в кастрюлю и довели до кипения.

– Перестань, – поморщился Дионис.

– Во мне столько силы, что я легко могу устроить десяток всемирных потопов и даже не замечу, что потратился!

Зевс стиснул пальцы простёртой руки в кулак. Где-то вдали зарокотало. Полыхнуло. Грохнуло. Громовержец с довольным видом опустил руку, и в тот же миг снова вспыхнуло солнце.

– Сегодня пара местных метеорологов явно сойдёт с ума.

– Плевать на смертных идиотов, – отмахнулся Зевс. – Речь не о них, а об умении не привлекать внимание. Вы, молодые, не можете обуздать своё эго. Вас тянет владеть, руководить, называть компании своими именами, давать эпитеты. Откуда в вас это стремление к внешним атрибутам?

– Сказал бог, ради вящего эффекта потрясающий молниями.

– Это традиция. А традиции священны, – повторил бородач. – Но ты ведь призвал меня не для того, чтобы обсуждать мой антураж.

Зевс откинулся на спинку шезлонга, но смотрел на Диониса по-прежнему сверху вниз:

– Зачем ты хотел меня видеть?

– Геркан. Помнишь его?

– Представления не имею, о ком ты, – небрежно бросил громовержец.

– Можно сказать, о твоём внуке.

– У меня их тысячи... а может, и десятки тысяч, всех не упомяну.

– Тот, что от «коровы».

– Хм-м-м, – на лице бородача возникло задумчивое выражение, – нет, не припоминаю. Хотя совершенно неважно, от кого он, я бы на твоём месте в любом случае не спешил его признавать.

– Речь не о признании. Он стоворился с дочкой Эвтерпы.

– Альковные дела ваших отпрысков меня не больно-то интересуют. Скажу больше – они меня не интересуют вовсе.

– Эти заинтересуют, – с лёгкой ухмылкой заметил Дионис, – они затеяли совместный бизнес.

Брови громовержца сошлись на переносице, лик бородача потемнел, в чёрных глазах полыхнули молнии. На этот раз не было ни туч, ни грома, но суровое лицо Зевса, в отличие от климатических коллизий, заставило Диониса напрячься.

– Почему ты не собрал совет? – очень тихо спросил громовержец.

– Я подумал, что проще поговорить с тобой. К чему совет? Дети подросли, может, позволить им стать богами?

– Мы обсуждали это, Бык! – всё так же тихо пророкотал бородач. – Богом нельзя стать. Богом можно родиться. Я не стану делить пантеон с этими недоделками. И никто не станет.

– Я помню правила, громовержец. Но из любого правила бывают исключения. В чём опасность пустить в наш круг пару молодых? Возможно, стоит сделать исключение ради...

Дионис осёкся под взглядом разъярённого бородача.

– Если ты не хочешь испытать на себе всю силу отца богов, не смей называть это ничтожество моим внуком! – тихо прорычал тот.

Дионис сник, покорно опустил голову. С Зевсом можно было дискутировать, когда он демонстративно грохотал, но перечить отцу богов, когда тот говорил тихо и вкрадчиво, осмелился бы разве что самоубийца. Громовержец же, видя смирение, заметно смягчился.

– Ты знаешь правила, Бык. Да и к чему это? Договоры подписаны. Игроки успокоились. Рынок устоялся. А твоё исключение из правил может привести к тому, что у нас опять начнутся проблемы. Или ты забыл, что нас уже отодвигали? Те юные голодные с крестом и полумесяцем – они тоже не выглядели опасными. Мы милостиво позволили им подняться и оказались на отшибе. Нас выбили и теперь гребут веру лопатой, пользуясь старыми схемами. Нашими схемами, которые для нас теперь не работают. Мы упустили монотеистов, второй раз такой ошибки допустить нельзя. Никакой молодёжи!

Спорить с громовержцем было бесполезно, и Дионис благомысленно кивнул.

– Что ещё ты мне не сказал? – намного мягче поинтересовался Зевс.

– Они привлекли старого Дедала. Он делает для них крылья. Кроме того, с ними смертный. Пронырливый, вроде того, что разработал для нас компанию с надкусанным яблоком.

Зевс скрежетнул зубами и поднялся с шезлонга. По старому шерстяному свитеру с вышитыми на груди оленями с треском забегали искорки статического электричества. Дионис поспешил последовать примеру отца богов. Подскочил, словно болванчик, стараясь встать ровнень. Но Зевс, как и прежде, смотрел на него сверху вниз:

– Ты присмотришь за ними, Бык. И если они в самом деле приблизятся к созданию чего-то значимого, созовёшь совет.

– Думаешь, у меня есть лишнее время на слезку?

– Возьмёшь в помощь своего приятеля.

– Которого? – опешил Дионис.

– Вот этого, – кивнул Зевс через плечо.

За спиной грозного бородача в стороне от шезлонгов объедал отельную клумбу невесть откуда взявшийся чёрный козёл.

Челюсть розовощёкого Дениски медленно потянулась к земле.

– Что за шутки, громовержец?

– Не хочешь, чтобы следил он, следи сам, – отрезал Зевс и зашагал по дорожке к отелю.

Козёл тем временем ненавязчиво подошёл к Дионису и посмотрел на него преданными глазами. Взгляд был тупой, добрый и просящий. Такие бывают у собак и пьяниц, когда они далеки от агрессии.

Бог сплюнул в злом отчаянии.

– Вот и я говорю: «тьфу!» – хрипло поведал чёрный козёл, совершенно по-человечески сплёвывая недожёванное содержимое клумбы.

Голос был знакомым, хоть и давно подзабытым:

– Леней? – ошарашенно произнёс Дионис.

– К твоим услугам, Вакхий⁶.

– Когда мы виделись с тобой последний раз, на тебе было меньше шерсти и ты ходил на двух ногах. Неужели пьянство сыграло с тобой дурную шутку?

– Не смешно, – обиженно скривил морду козёл. – В этом новом мире ходить козлом как-то спокойнее, чем с рогами, хвостом и копытами. Люди стали агрессивны, видят копыта – бросают камни. Орут: «Чёрт!» А это обидно честному сатиру и весьма болезненно.

– Ты отстал от жизни, Леней. Это было давно. Сейчас у людей в моде всякие чудачества: на тебя никто не обратит внимания, будь ты хоть с рогами, хоть с крыльями, хоть с тремя перьями. Хотя быть козлом сегодня тоже вполне престижно. Правда, в ином смысле.

– М-де? – проблеял козёл. – Я подумаю, Вакхий.

– Подумай.

Дионис хотел было хлопнуть козла по плечу, но в последний момент отчего-то передумал.

– Подумай.

⁶ Одно из имён Диониса, полученное им за то, что его сопровождают вакханки.

Глава 8

Идей не бывает много

– Нет, нет и нет!

Геркан был зол и не скрывал этого.

– Ладно она, но ты, возница? За каким ты притащил в мой дом этого... этого...

Геркан запнулся, подбирая эпитет. Сырдон со своей едкой улыбкой на хитрой физиономии дурашливо раскланялся.

– А что с ним не так? – невинно поинтересовался я.

– Ничего, – пробурчал Георгий Денисович. – Кроме того, что каждый, кто с ним связывается, оказывается в дураках.

– Кто старое помянет, тому глаз вон, – мило ввернула Нилия.

– Да? – снова взъярился Геркан. – Одину об этом расскажи!

– Гера, ты, конечно, душка, когда бесишься, но мы привели тебе готовый проект. Заканчивай быть душкой, скажи спасибо, и давай двигаться дальше.

– Не называй меня Герой! – взревел Георгий Денисович и швырнул свой бездонный бокал в стену. Сверкнул хрусталь, бокал преодолел античные просторы кухни и... мягко ткнулся в сухонькую ладонь Сырдона.

Подхвативший на лету бокал Нарт подошёл к беснующемуся полубогу и протянул посудину с язвительной ухмылкой:

– Чуть не разбилось.

Геркан вцепился в бокал, тот сам собой наполнился вином под край, впрочем, то, что материализовалось в ёмкости, тут же в один непомерно большой глоток перекочевало в Георгия Денисовича. Полубог отставил пустой бокал и полоснул злым взглядом по козлобородому старику:

– Чего ты хочешь, сын Гатага?

– Ничего, – искренне пожал плечами Сырдон. – Я пел, они предложили, чтобы я пел на большую аудиторию. А я что, против? Люди стали забывать. Так что, чем больше людей услышат о нартах, тем лучше.

– Я не понимаю, что тебя так злит, – снова подала голос Нилия.

– Мы договорились об одном проекте, а теперь...

– А теперь у нас их два, – улыбнулась Нилия. – В ваших технических штуках я всё равно ничего не смыслю. А в шоу-бизнесе у меня мама.

Я смотрел на них и думал, что при всех своих возможностях, при непомерно длинной жизни они всё же очень похожи на людей.

Когда-то давно, ещё в девяностых, старший братец моего приятеля решил открыть своё дело и пришёл к нам за свежими идеями. В то время кино смотрели ещё на дисках и видеокассетах. И так совпало, что мелкие видеопрокаты с рынка ушли, а сетевые ещё не появились. «Открой видеопрокат», – предложил я. Но на это моё предложение начинающий бизнесмен только скептически улыбнулся. И открыл ларёк. Все, кто хотел заработать денег, почему-то открывали ларьки.

Через пару месяцев ларёк его прогорел и закрылся. Ещё через пару месяцев на рынке появились сетевые видеопрокаты, просуществовавшие достаточно долго, пока новые технологии не сделали любой видеопрокат достоянием истории.

Впрочем, не факт, что, послушав меня и открыв видеопрокат, братец моего товарища продержался бы дольше пары месяцев.

– А ты что молчишь, возница? – накатился на меня Геркан, выдёргивая из воспоминаний. – Или тебе это кажется удачной затеей?

– Почему бы нет? Идей много не бывает.

– Как там у вашего беллетриста... «никто не обнимет необъятного»⁷.

– Мы и не будем, – не стал спорить я. – Но вы же сами опасались, что ваш отец что-то узнает про нашу затею и начнёт вставлять палки в колёса...

– Это не опасение, – вскинулся Георгий Денисович. – Старики давно сговорились, что ни с кем не станут делить свой новый Олимп.

– Хорошо, – кивнул я. – Тем лучше. У нас будет несколько проектов. Пусть думают, что мы сосредоточены на одном или на другом, а мы займёмся третьим. Если они отвлекутся на проект-прикрытие, у нас будет куда больше шансов довести основной проект до логического завершения и выстрелить.

– И этим основным проектом будет Сырдон, – снова напомнила о себе Нилия.

– Моё почтение, – раскланялся Нарт.

– С чего это? – в голосе Геркана дребезжало раздражение.

– Гера, ты по-прежнему такой душка, когда бесишься, – решила сменить тактику богиня. – В пользу творческого проекта – простота реализации и мои связи. Мать не откажет мне в помощи. Кроме того, я, в отличие от тебя, полноценная богиня. Возможно, старики не станут противиться моему восхождению.

– В пользу технического проекта большинство голосов. Ты же со мной, возница? Так что двое против одного.

Нилия обернулась ко мне с улыбкой. Её пальчики небрежно пробежали по моей груди, легко коснулись щеки.

– Ты с ним, правда? – бархатно проговорила она, и я почувствовал, как способность соображать против моей воли стекает куда-то ниже пояса.

Богиня, явно довольная результатом нехитрой манипуляции, убрала руку и повернулась к Геркану:

– Нарт со мной, так что двое на двое. И это сейчас. На чьей стороне он – посмотрим ближе к ночи.

С этими словами Нилия кивнула в мою сторону, и я снова ощутил себя игрушкой, как тогда на Арбате.

Геркан скрежетнул зубами и направился к двери:

– Иди за мной, возница.

Я замешкался, размышляя, кого из них позлить. Выбирать, к кому примкнуть, не хотелось, всегда предпочитал быть на своей стороне. Оставалось по законам рынка толкаться от собственной выгоды. С Георгием Денисовичем у нас договор, хоть и не закреплённый на бумаге. И он мне платит, хотя пока и не очень. Что касается дочери Эвтерпы и Эрота, то она со мной расплачивается натурой, хоть я об этом и не просил. И что в этой хитро вывернутой конструкции мне выгодно?

⁷ «Плоды раздумья», Козьма Прутков.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.